

Нина Бюфн

Веди меня, веттер!

18+

Нина Бьёрн

Веди меня, ветер!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38274632

SelfPub; 2018

Аннотация

Яра не выбирала этого мужчину. Он сам подошел, сам предложил поехать с ним. Поддалась. Потому что хорош собой. Потому что с ним было легко и весело. Надеялась исцелить рядом с ним свои душевные раны, забыть неудавшуюся любовь всей жизни. Не вышло. Вместо покоя и счастья девушка получила новое разочарование и новую войну. Яра ненавидела его за то, что обманом затащил в свой дом, что отказывался отпускать домой, и себя за то, что готова была забыть о своей гордости за одно его прикосновение. В обложке использован рисунок автора Нины Бьёрн

Веди меня, ветер!

Сегодня очень важный день для меня. Я шагнула навстречу своей новой судьбе.

Я всегда думала, что всё и все, что мне нужно для счастья находится здесь – в родной деревне, которая теперь осталась позади за горным перевалом. Кто бы мог подумать, что я захочу уйти из своего клана на поиски чего-то большего? Другого? Я не могла. И тем не менее, уезжаю.

Там остался человек, которого я любила всю свою сознательную жизнь, и который, оказывается, никогда не был моим. Я заблуждалась. Больно, жестоко, но такова правда. Для него я так и осталась маленькой рыжей девочкой с испачканными песком ладошками. Он не оценил мою обнаженную и вывернутую перед ним душу. Я предложила ему все, что могла: любовь, дом, уют...

Он выбрал другую. Ту, которая не смогла бы дать ему и десятой доли того тепла, на которое способна я. Он даже не носит больше шнурок для волос, сплетенный мной ему в подарок. А все потому, что его новая «пара» против.

Я ждала его из походов, жила им, дышала им, бредила им. Это я должна была сидеть рядом с ним. Это на меня он должен был смотреть так... Так...

Все переменялось.

Жить, как раньше я больше не могу. Не хочу!

Последние месяцы вынули из меня душу. Я перестала

приходить к общему деревенскому костровищу. Все потому, что там, на шкурах, Микан сидел в обнимку со своей возлюбленной. В их взглядах друг на друга было столько сахара, что у меня челюсти сводило от этой приторности. Я стала чувствовать себя чужой в родном клане. Не могла найти себе место в деревне, потому что все время боялась наткнуться на эту парочку. Даже зима не остудила их пыл.

Фу! Тошно...

Я чувствовала себя ненормальной. Во мне словно поселился жалкий склонный к самомучениям зверек. Я пряталась от Микана и Сули, но продолжала из своего укрытия одновременно украдкой высматривать их среди жителей деревни.

Зачем? Сама не понимаю.

Может, чтоб вдруг увидеть, как они поссорятся или расстанутся, чтоб найти в их отношениях следы приближающегося конца. Может, чтоб убедиться, что я по-прежнему ему не нужна... Не знаю...

Думаете я не пыталась примириться со всем этим? Пыталась.

Я внушала себе, что нужно просто потерпеть. Уйма освобождающих упражнений, которыми меня пичкали подруги и целители клана, никак не помогала мне справиться с чувствами. Я пыталась отпускать свою любовь, обрезать ее, обрубать, оставлять, отворачиваться от нее, даже закапывать ее... Бесполезно. Становилось легче ровно до новой встре-

чи с эпичной парочкой. А потом снова меня накрывало это чувство. И слезы... И боль...

Я научилась плакать тихо. Глотать всхлипы, чтоб никто не услышал.

Последние недели перед отправкой на Большой Совет я уже не могла нормально спать. Брат пытался уговорить меня подождать еще. Я отказалась. Если бы я пробыла бок о бок с Миканом еще хоть пару дней, взорвалась бы и сделала что-то, о чем жалела бы в последствии.

Так что, мое решение единственно верное. У брата своя семья, ребенок. Своя жизнь. Моя лучшая подруга Найрани в последние недели сдружилась с новой женой Микана. Даже здесь меня вытеснили. Нет, она не такая плохая, как я думала сначала. Она пожертвовала собой, чтоб спасти деревню. Я признаю это. И да, она любит его... По-своему. Но не так... Не так...

Я видела, что Найрани разрывается между мной и Сули. А я не могу заставить себя перешагнуть через всю эту ситуацию. Не могу я дружить с той, которая забрала мою жизнь.

Уехать на Большой Совет и, может быть, найти свою новую судьбу было самое умное мое решение за последние полгода. Надеюсь, мои родные будут вспоминать обо мне хоть иногда.

Весна уже окрасила склоны цветущим маральником. Горы были усыпаны сине-фиолетовыми цветами. Волшебное зрелище. Как же я буду скучать по этим местам!

Небольшой караван из семи охотников, сидящих верхом на гигантских ящерах, двигался по краю нашего родного горного перевала. За спинами двоих мужчин сидели еще две девушки из моего клана, которые так же, как и я, решились попытать счастья.

Мы могли бы полететь и добраться до места Большого Совета за пару дней. Но больше летунов в клане нет и брат захотел тащиться вместе со всеми в караване. И потому летающий ящер Айгира шел последним, сложив вдоль боков большие кожистые крылья.

Нет! Нельзя скучать. Это будет возвращать меня сюда. Это снова будет привязывать ко мне мысли о Микане. Я в очередной раз пробормотала словно заклинание привычные, ставшие уже моим дыханием слова: «Веди меня, ветер, за дальние горы. Веди меня к счастью, уйми мое горе. Веди к моей доле, веди за собою. Я сердце свое переменам открою.»

Я прятала лицо за широкой спиной брата. Не хотела, чтоб кто-то видел мои слезы. А теплый майский ветер, казалось, слышал. Он гладил меня по волосам и высушивал слезы на моих щеках. Все будет хорошо. Я верила в это...

Путь казался мне бесконечным. Когда, наконец, из-за склона очередной горы стало видно место Совета, я уже сгорала от ожидания и волнения.

Наши нагруженные тюками с подарками ящеры влились в общую суматоху располагавшихся на поляне охотников из самых разных кланов. Повсюду царило радостное возбужде-

ние, предвкушение и деловитая суета.

Я крутила головой, стараясь разглядеть все и всех получше. Представители кланов обустроивались по краям поляны. Оказывается, Горных Охотников так много. Каждый Глава привел сюда старейшин для Совета и молодежь из своих деревень на смотрины. Молодые парни собрались в небольшие группы и придирчиво оглядывали прибывших и прибывающих. Они уже начали то дело, ради которого сюда пришли – уже присматривали себе пару. Что же будет вечером у общего костра? Я уже сейчас чувствовала себя неловко. На общем сборе я вообще покажусь им деревяшкой! Вдруг я растеряюсь и скажу что-нибудь глупое? Нет! Не паниковать. Все будет хорошо! Дыши глубже, Яра!

Поляна бурлила их энергией – молодой, жгучей, слишком напористой и... пугающей. Мне придется окунуться в эту энергию, чтоб выбрать кого-то. Более взрослые холостяки еще были заняты обустройством мест стоянок и приглядыванием за соплеменницами, прибывшими на Совет. Кажется, девушек намного меньше, чем парней. Трудно утверждать точно, потому что среди более взрослых мужчин некоторые прибыли сюда просто сопровождающими, как мой брат. Но, надеюсь, вечером станет понятно, кто есть кто.

Я помогала брату ставить палатку, налаживать быт на поляне. Лишь бы занять чем-то руки. Оставшееся время до вечера я пыталась хоть как-то унять свое разбушевавшееся воображение. Оно рисовало мне картины собственного прова-

ла на сегодняшнем вечере. Одновременно с этим меня дразнили фантазии о том, как я с первого взгляда распознаю в одном из охотников своего суженного и уеду с ним счастливая и влюбленная. Мысли о Микане полностью выветрятся из моей головы. Кто такой Микан? Ах да, это же просто старый друг! Как же будет замечательно!

Вечер я встретила натянутая от волнения, как стрела. Даже дышать было трудно. Жена моего брата, а одновременно с этим моя лучшая подруга Найрани сшила мне специально для Большого Совета самое красивое платье из всех, что я только видела. Она говорила, что этот голубой шелк идеально подходит под цвет моих глаз. А мне очень нравились вышитые более светлыми нитями цветы. Они изящно разлетались по верху лифа и рукавам. Примеряя наряд дома, я считала каждый день, который приближал меня к сегодняшнему вечеру. Ничего, что вся молодежь, собравшая здесь, была одета проще. Мне же лучше. Буду более заметна. На меня будут обращать внимание. Много внимания. Я готова! Мамочки, отчего же так страшно?!!

В центре поляны было выдолблено большое круглое углубление, выложенное по краям камнями. Так вот оно какое – самое древнее костровище всех кланов! Обожженная кладка потемнела от времени, сажи и пепла. Костер в моем родном клане всегда складывали таким, чтоб его размер равнялся обхвату рук четырех мужчин. Здешняя чаша была намного больше. Пламя костра поднималось высотой в два

человеческих роста и вокруг него уже танцевали мужчины и девушки.

Я вытянулась в струнку так, что спину ломило от напряжения. Вечер неизбежно становился ужасным. На поляне не было никого, кто хоть немного приглянулся бы мне. Меня уже приглашали танцевать несколько раз. Первый парень отдал мне ноги. Он прошелся по ним как камнепад по цветам. Моим туфлям, наверное, пришел конец. Он тянул меня все время куда-то не туда. После него танцевать с другими стало настоящей пыткой. Болели ноги. Виски противно скребла боль. Я устала, но продолжала принимать приглашения, все больше разочаровываясь в спутниках.

Всё не то. И все не те.

Вечер первого дня закончился ничем. Как и вечер второго, и третьего дня. На четвертый день Большого Совета я уже непрерывно ощущала ком в горле от того, что все мои усилия идут впустую.

Обидно...

Столько стараний, волнений, такой длинный путь пройден до места Большого Совета... Я оторвала брата от семьи, чтоб меня было кому проводить сюда... И все, похоже, напрасно. Мне придется вернуться в родной клан поджав хвост.

Микан будет смотреть на меня с жалостью и снисхождением. Мол, бедная девочка, но ничего, подрасти сначала... А мне снова придется наблюдать за его сюсюканиями с же-

ной... Мной завладевало отчаяние.

Брат был со мной мил и с деликатностью дикого вепря утешал возможностью приехать на Большой Совет еще раз. Ага! Непременно! Через три года!!! Я не вынесу столько.

Я перестала различать лица парней. Они слились для меня в один образ, не подходящий мне. И, видимо, мой образ не подходил им. На меня действительно смотрели заинтересовано, но на этом все заканчивалось.

Пара мужчин из более взрослых холостяков показались мне интересными. Я даже подошла к одному из них и заговорила. Меня вежливо и холодно развернули. Ко второму я даже приближаться не стала. Было обидно. Очень.

Кроме того, я поймала себя на том, что все, кто хоть немного понравились мне были чем-то похожи на Микана. Как заставить себя переключиться, когда перед глазами, в мыслях, в сердце – он? Идеал. И при сравнении с ним, никто из «новичков» не выглядит хоть сколько-нибудь привлекательным. Но я попытаюсь. Я должна!

Итак: Микан высокий с темно-русыми волосами. Значит, надо внимательнее смотреть на черноволосых, рыжих и совсем белобрых. И по характеру нужен кто-то другой. Микан спокойный, молчаливый, уверенный, надежный, сильный... Тьфу! Нужно перестать привязывать эти качества ему одному. Меня снова чуть не понесло в воспоминания о достоинствах моего возлюбленного. Рыжий мужчина, например, тоже может оказаться уверенным, надежным и силь-

ным. А что? Я рыжая, он рыжий. Мы бы хорошо смотрелись вместе.

Я крутила головой, как сова в разгар охоты. Вглядывалась в лица, пыталась угадать по лицу характер его обладателя. Претендентов вокруг становилось все меньше. Может быть их отпугивали мои глаза, горящие лихорадочным огнем. А может быть они уже просекли во мне госпожу «Кого хочу – не знаю, кого вижу – не хочу», поняли, что со мной у них ничего не выйдет и отстали. В итоге, половину последнего пятого вечера я просидела на покрывале своего клана одна.

Вокруг костра уже миловались новообразовавшиеся парочки. Были и те, кто остался в одиночестве. Обе девушки из нашего клана тоже нашли себе пару. Они разъедутся в разные кланы. Счастливые и разругавшиеся, они ворковали со своими новыми мужчинами в сторонке. Мы – их прежний клан – словно перестали для них существовать. Они про нас не вспоминали. Надеюсь, завтра утром они хотя бы попросят с нами.

С нами... Я уже записала себя в неудачницы. Мысленно я уже обреченно тряслась по горным тропам на спине ящера брата по пути домой. Вернее в клан, где я перестала чувствовать себя дома.

Я сдалась. Вечер скоро закончится, завершится последний бездарно потраченный день. Утром мы соберем наши пожитки, свернем палатки и для меня начнутся самые длинные три года в моей жизни. Ожидание следующего Большо-

го Совета.

Я окунулась в свое уныние. Перегорела. Силы кончились как-то очень внезапно. Музыка теперь казалась слишком громкой, а поляна – слишком людной.

Сидящий рядом брат смотрел невидящими глазами в пламя костра, медленно потягивал наливку из стакана и улыбался. Наверное, думал о своей семье. Его любят и ждут обратно. Ему есть к кому возвращаться.

Мысли о Микане опять обошли выстроенный усилием воли барьер. В голове снова завертелись безответные «почему» и «за что». Тоска соскребала с души надежду, и, выжимая из ее куцых стружек слезы, топила меня в них. Безжалостно. Я уже с трудом сдерживала плач.

Быстро шепнув моему брату Айгиру, что намереваюсь отойти подышать свежим воздухом, я юркнула за пределы круга. Удивительно, но мне сразу полегчало. Слезы отступили и я почувствовала себя гораздо спокойнее. словно само это одурелое место перестало давить на меня своей любвеобильностью. Я зашла за нашу палатку и опустилась прямо на землю. Влажная от ночной росы травка ощущалась подо мной шелковой.

Самое то, чтоб привести мысли в порядок. Немного жаль было платье. На нем могли остаться пятна от травы, но я отбросила эти мысли. Найрани бы меня поняла. Она бы не обиделась.

Однако всласть позаниматься самобичеванием и самоко-

панием мне не удалось. Чей-то низкий голос поразительно близко произнес:

– Эй, тут, вообще-то, место для предающихся унынию.

Меня чуть не подбросило от неожиданности.

«Мне подходит как нельзя лучше», – буркнула я, оглядываясь в поисках говорившего.

– Да, здесь я. Здесь! – из под приоткрытого полога соседней палатки показалась ладонь, которая бодро помахала мне. – Что? Все плохо?

– Нормально, – чуть более нервно, чем хотелось бы бросила я. – А ты чего тут один сидишь.

– Не люблю шумные любвеобильные сборища.

Я согласно фыркнула.

– Что, тоже не клеится?

– Тоже... – согласился невидимка.

– А с тобой что не так? Ты лицом не вышел, раз в палатке прячешься? – я выпалила эти слова раньше, чем сообразила, что они оскорбительны. Мне захотелось хлопнуть себя по лбу. Вот же, язык мой враг!

– Не встретишься та, с которой бы хотелось продолжать вечер, – он не обратил внимания на мою грубость.

– Так и говори, что всех разобрали, пока ты клювом щелкал.

Из палатки слышался веселый смех. Я не сдержалась и тоже улыбнулась.

– А почему бы тебе не вылезти оттуда? Как-то неудобно

разговаривать с темнотой.

– А может тебе стоит залезть сюда? В этом случае мы тоже будем в равных условиях. Вот, здесь хватит места двоим, – тень в глубине палатки зашуршала, видимо, двигаясь.

– Ага... Сейчас! Разбежалась, – я насупилась и подтянула колени ближе к себе.

– Ты на холодной земле сидишь – простудишься. А здесь можно спрятаться.

– Если я захочу спрятаться, уйду в свою палатку.

– Не уйдешь. Там тебя сразу найдет брат, а тебе этого не хочется. Я же предоставляю тебе мое скромное убежище, – теперь голос звучал почти иронично.

– А ты всем подряд предлагаешь убежище? – скопировала я его интонацию.

– Нет. Только тем, у кого дела на Совете идут плохо. – я ясно слышала в его фразе улыбку. – Подумай только... Скоро твой брат решит, что тебя нет слишком долго. Где он станет искать тебя в первую очередь? А потом он будет тебя расспрашивать, что случилось. Или еще хуже – утешать.

Я прикусила губу. Он был прав. Я была не готова воспринимать утешения и сочувствующие взгляды. Но и лезть в компанию того, кого я даже не вижу тоже не прельщало.

– Откуда ты знаешь о моем брате?

– Наши палатки стоят рядом, забыла? Не бойся. Не трону. Я тебе предлагаю просто небольшую паузу, во время которой тебя никто не найдет.

– А я и не боюсь, – выпалила я поспешно, тут же осознав насколько глупо и по-детски это прозвучало. – А что ты хочешь взамен?

– Ничего. Я абсолютно бескорыстен, – с легким смешком сказал голос, растянув слово «абсолютно».

Вся ситуация напомнила мне древнюю сказку о чудище, которое заманивало путников в свою пещеру сладкими обещаниями и подарками. Раскрытый черный зев палатки превращал моего собеседника в чуть различимую тень. Я не видела его лица. Я не могла сказать, какого он роста и какие у него волосы. По голосу я могла предположить только, что он не стар. А по разговору – что он не дурак. Да... Не много, но уже не плохо.

Не то, чтобы я рассчитывала непременно заполучить этого незнакомца себе в пару. Но я допускала, что это может случиться. А вдруг он симпатичный? Вдруг он и есть тот самый, кто мне нужен? Я не узнаю, если не решусь. Вероятность ничтожно мала, но терять мне все равно особо нечего. Либо эта призрачная возможность, либо смотреть на сахарную парочку Микана и Медведицы еще три года. Нет уж... В конце концов, не посмеет же этот незнакомец сделать что-то ужасное здесь, на Большом Совете? Не посмеет. Значит, и бояться мне нечего. С этим чудищем из легенды по крайней мере интересно разговаривать.

Я размышляла, взвешивая все «За» и «Против». Мой таинственный собеседник терпеливо ждал. Я бы может быть

и не решилась, если б не окрик моего брата, зовущего меня по имени. Айгир искал меня. В мгновение ока я подобрала свою юбку и бросилась к палатке. «Чудище» торжествующе хмыкнуло. В темноте я зацепилась за что-то ногой и ввалилась в палатку с изяществом мешка с картошкой. Рядом со мной раздался приглушенный смешок. Замечательное начало знакомства. Умею я произвести впечатление! Хорошо, что в палатке темно и не видно, что мои щеки приобрели помидорный оттенок. Я пыхла, стараясь поправить выказавшую полное неповиновение юбку в узком пространстве палатки.

– Дыши тише, – шепнули мне на ухо и мой рот зажала широкая теплая ладонь. Я замерла. Голос брата раздался прямо возле палатки, в которой мы прятались. Он пробурчал что-то о своевольных девках, свалившихся ему на голову, и окрикнул меня еще раз. В просвет полога я видела его сапоги на расстоянии вытянутой руки. Брат потоптался вокруг палатки и ушел искать дальше.

Риск выслушать нотации или получить порцию братского сочувствия уменьшился и я осознала себя лежащей рядом с мужчиной. Я же думала об этом. Представляла себе это, но оказалась не готова к волне новых ощущений, вызванных его присутствием. Его близость оглушала. Слегка шершавая ладонь по прежнему лежала поверх моих губ. Я слышала его дыхание где-то прямо у моего уха. И я запаниковала. Испугалась ощущения, что мне никуда не деться. Я в его власти.

Кто сказал, что он не сможет сделать со мной ничего плохого? Я лежу в чужой палатке с незнакомым мужчиной! Дока- тилась Яра! Я пискнула. Дернулась. И в этот же миг меня от- пустили. Он убрал руку. Снова зашуршала его одежда, когда он устраивался поудобнее.

– Я же говорил: не трону, – спокойно сказал незнакомец.

Я перевела дух и заставила себя остаться в палатке. Ни- чего страшного не случилось, ведь так? Кое-как уняв бешено колотящееся сердце, я попыталась скрыть свое смущение веселой болтовней. И незнакомец меня поддержал.

Спустя четверть часа мы уже беззаботно смеялись над ка- кой-то из рассказанных им баек. А рассказывать он умел. Я слушала и в моем воображении живо и ярко рисовались ме- ста, которые он описывал.

Незаметно для себя я расслабилась. Мне было хорошо и беззаботно. Просто лежать на подстилке из шкур и слушать.

Он начал описывать земли его родного клана. Он говорил тихо. В темноте палатки низкий грудной звук его голоса лил- ся как густой тягучий терпкий разнотравный мед. Интона- ции были пронизаны легкими нотками тоски. Я слушала и по моей коже ползли мурашки. Вот бы кто-нибудь и обо мне рассказывал с таким восхищением, как этот парень о своем доме.

Он соскучился по родным местам. Я чувствовала и пони- мала. Конечно, поляна Большого Совета кого угодно заста-

вит скучать по тишине и уединению родного дома. Завтра он отправится домой. Туда, где ему хорошо. Ведь не может быть плохо в том месте, о котором рассказывают с таким жаром.

Я завидовала. Жаль, что я не могу больше так рассказывать о своем собственном доме. Там для меня все сломалось. И в какой-то момент надломилась и я. Устала держать в себе и скрывать тоску. Завтра мы разъедемся в разные стороны и, вероятно, никогда больше не встретимся. Вываливая моему «чудищу из темноты» свою историю, я жаловалась. Изливала свою боль. И мне стало легче. Потому что он не утешал, а просто дал выговориться. Он не повторял избитых фраз о том, что нужно просто переждать и потерпеть. Это я и сама знала. Но знать умом и чувствовать сердцем – это совсем разные вещи. Я понимала, что моя одержимость Миканом – остатки детской мечты, но я ничего не могла с собой поделаться. Сердце не хотело отпускать эту мечту. Она вросла глубоко и никак не получалось выдрать ее с корнем.

Мой ночной собеседник терпеливо слушал. Не выказывал раздражения или нетерпения. Наоборот. Он сочувствовал. И мне казалось, что меня понимают. Он рассказал мне, что и сам был недавно в похожей ситуации. Он крепко повздорил с одним из соплеменников из-за девушки. Она выбрала другого. История – зеркальное отражение моей собственной.

Мы проболтали почти половину ночи. Еще дважды мы затихали, переживая стихийное бедствие под названием «мой старший брат». Ночной незнакомец закрыл полог и в па-

латке стало тепло. Приятной шелковистой массой ощущался под спиной мех подстилки. Уютно пахла какая-то неизвестная мне травка, наполняя пространство палатки пряным тонким ароматом. Собеседник больше не казался мне чудищем из пещеры. Просто человек, разделивший со мной одну из непростых для нас обоих ночей. Просто человек, скрасивший мое одиночество и тоску на несколько часов. И я была ему благодарна.

Проснулась я в своей собственной палатке. Широкая спина еще похрапывающего брата закрывала меня от выхода. Как я оказалась в палатке? Я не помнила, как пришла. Я, кажется, уснула. Меня перенес мой вчерашний знакомый незнакомец? Или брат нашел меня? Нет. Если бы меня нашел Айгир, он бы уже устроил мне взбучку. А если он не стал меня будить, значит, наверняка, решил, что просто не заметил мирно спящую меня в нашей палатке раньше.

Я улыбнулась и довольно вытянулась на своей подстилке. Настроение было поразительно хорошим. Через маленькое смотровое окошко палатки я видела недавно занявшийся рассвет. Снаружи щебетали птицы.

Очень скоро все проснутся. Начнутся всеобщие сборы, суэта, упаковывание вещей и палаток. А пока на поляне царил тишина. Интересно, а спит ли еще мой ночной собеседник?

Я аккуратно переползла через брата и выглянула на улицу. Палатка моего «ночного чудища» стояла позади нашей,

поэтому я напялила влажные от ночной росы туфли и выбралась наружу.

Его не оказалось. На месте его стоянки виднелся небольшой прямоугольник примятой травы и дырочки в земле там, где еще недавно были вбиты колышки.

Он ушел. Я сникла.

Что ж. Может это и к лучшему. Наша недолгая дружба останется светлым пятнышком в моих воспоминаниях о Большом Совете. Суетном, суматошном и неудачном для меня.

Я вздохнула, забралась обратно в свою палатку и нырнула под свое одеяло. Поджав озябшие в промокших туфлях пальцы ног, я попыталась поспать еще. Не вышло.

Первые кланы уже тронулись в путь, вереницей утекая сквозь горы. Кто-то прощался. Некоторые плакали. Кое-кто собирался в одиночестве.

Наши сборы еще шли полным ходом. Я скатывала в рулоны подстилки из палаток и крепила их к сбруе ящеров. Две другие мои бывшие теперь уже соплеменницы собрали свои вещи и готовились к отъезду в своих новых кланах.

Я радовалась за них. Правда. Надеялась, что у них все будет хорошо и они будут счастливы в своих новых домах.

О своем собственном будущем я старалась не думать. Теперь, когда провалилась моя попытка начать новую самостоятельную жизнь, мысли о Микане хлынули в мой мозг с мощью водопада. Они заглушили голос разума так же легко,

как грохот воды, летящей с горы, перекрывает писк комара. Я ужасно скучала по Микану.

Распихивая вещи по тюкам и седельным сумкам, я металась между потребностью побыть рядом с Миканом снова и нежеланием как прежде видеть сожаление в его взгляде, когда он смотрит на меня. Он чувствует себя виноватым передо мной за то, что со мной происходит. Он ведь все знает.

Боги! Ну зачем я ему рассказала о своих чувствах? Было бы легче, если б он не знал. Я бы по-прежнему страдала, но в наших отношениях не было бы такой натянутости и отчужденности. Он избегал меня. Найрани сказала, что он не хотел напоминать мне своим присутствием о моей беде. Как-будто это могло что-то изменить! Не важно, рядом со мной или далеко, мои чувства к нему оставались прежними.

У него и у его жены лица становились каменными, когда они видели меня. Только на его лице было высечено сожаление и извинение, а не ее – жалость, понимание и немного вызова. Рядом со мной она словно каждую секунду заявляла права на собственную территорию и на своего самца. Конечно. Она ведь оборотень. Медведица. У них в крови эта звериная потребность утвердиться в своих правах на что-то. Или кого-то... Хотя, если подумать, как и люди. Одно ясно точно: мое присутствие напрягало их обоих. Но они могли отвлечься от этого друг с другом. Я не могла. Я чувствовала себя чужаком, забредшим в охотничьи угодья местного вожака.

И это то, куда мне предлагалось вернуться? Мне придется. Я тогда снова смогу видеть Микана. Хоть так... Хоть украдкой... Это как сыпать себе соль на рану и радоваться новому нагноению в ней. Не хочу! И хочу.

Это странно – хотеть противоположного одновременно. Мое сознание выворачивалось на изнанку от моих желаний. Одно я понимала четко: нужно вырваться из этого заколдованного круга. Но если я буду продолжать совершать те же действия, я не добьюсь другого результата. Хочу, чтоб хоть что-то изменилось! Пожалуйста! Я не хочу так больше!

Я украдкой смахивала слезы. Почти закончились неупакованные вещи. Еще считанные мгновенья и мы тронемся в путь. Мужчины о чем-то разговаривали, стоя в сторонке. Я делала вид, что очень занята переключиванием из сумки в сумку своих немногочисленных вещей, когда за моей спиной раздалось бодрое: «Привет!».

Наспех вытерев глаза, я выдохнула и обернулась. Позади меня стоял незнакомец. Обшарив взглядом молодого мужчину, я не нашла в своей памяти совпадений. Что-то знакомое в нем явно было, но эта деталь ускользала от меня в слишком упорных попытках вспомнить, где я его видела.

– Э-э-э... Привет, – неуверенно ответила я.

– Да-а-а! Короткая память у девушек. Не прошло и полдня, а ты меня уже забыла.

– Ты? – ахнула я, узнав, наконец, этот голос. Мой вчерашний ночной собеседник с улыбкой склонил голову в шушли-

вом полупоклоне. Так вот он какой! Темно-каштановые волосы, стриженные короткими неровными вихрами, обрамляли живое улыбочливое лицо. Искристые немного раскосые глаза задорно и чуть насмешливо смотрели из-под лихо изогнутых бровей. У большинства Горных Охотников глаза от желто-золотистого до янтарно-оранжевого цвета. У этого мужчины радужки имели удивительный огненно-медный оттенок. Чуть заметные ямочки на щеках придавали скульптурному лицу кошачью хитринку. Мой взгляд потрясенно отмечал все новые детали его внешности. Тонко очерченные крылья носа. Полная нижняя губа. Чуть вздернутые в полуулыбке губы, Ух, какой... Если Микана можно было сравнить с крепостью со стенами крепче любой неприятности, то этот мужчина был как бомба, смазанная медом. Я ошалело смотрела в его глаза и ловила в них только свое отражение.

– Я не так похож на того, о ком ты подумала, – озвучил мои собственные мысли охотник. – Осталось решить, хорошо это или плохо, да?

Моё лицо словно обдало жаром. Язык отказывался ворочаться во рту. Я не могла сказать ни слова.

– Расслабься, Яра. Я дам тебе возможность это решить, – улыбка сбежала с его лица. Мужчина сразу на вид повзрослел лет на десять.

– Ч-что? – проскрипела я деревянным голосом.

– Поехали со мной, – он даже дыхание задержал.

– А-а-а?

– Я полночи думал об этом. Нам ведь было совсем неплохо вчера. Я один... А... Ты хочешь... перемен.

Между нами повисла напряженная пауза. Я пыталась переварить полученное предложение. Он переступил с ноги на ногу, поежился плечами и продолжил говорить.

– Мой дом не слишком большой, но в нем есть три комнаты. Он стоит на самой окраине... Из окон видно лес. И... соседи у меня хорошие. А... Вон мой клан.

Я посмотрела на указанную им группку охотников. Они стояли, смотрели в нашу сторону, улыбались и о чем-то переговаривались.

– Я даже не знаю твоего имени, – выдавила из себя я.

– Меня зовут Риаган.

– Уже что-то...

– Решайся.

Я ведь хотела этого! Вот он, мой шанс изменить свою судьбу. Реальность возможных перемен обрушилась на меня каменной плитой. Всего одно слово и моя жизнь изменится резко и бесповоротно. Я получу шанс перешагнуть свое прошлое с помощью этого мужчины. И вместе с болью от неудавшейся любви растворятся в прошлом посиделки у костра с братом и Найрани, проказы моего любимого племянника Яридана, вкуснейшие пирожки тетушки Улы, теплая улыбка дядюшки Кириана... Все. И хорошее, и плохое. А хорошего было много. Всего одно слово и из моей жизни исчезнет Микан. Я никогда больше его не увижу. Какое страш-

ное слово. Никогда...

В новом месте, возможно, тоже все будет хорошо. Новые люди, новые мысли. Может, новое чувство... Ведь симпатичный же. Очень. Хоть и другой. Но это даже к лучшему. Пусть будет другой. Не буду сравнивать. Моя голова будет занята другими заботами – изучением традиций моего нового клана. Риаган говорил, что клан большой.

Риаган... Так непривычно еще было думать о нем не как о безликом голосе в темноте, а о живом человеке. Он стоял напротив меня, вглядываясь в мое лицо. Я понимала, что он нервничал так же сильно, как я.

К нам подошел мой брат Айгир.

– Яра, ты готова? – брат вклинился между нами, оттесняя меня от охотника. – А ты еще кто?

– Это Риаган из клана Ма-Тару, – я нервно сглотнула и следующие слова вырвались из моего рта быстрее, чем я успела до конца осознать, что говорю. – Я хотела бы поехать с ним.

– Ты запомнила, как называется мой клан!

– Да, – натянуто улыбнулась я. Слово сказано, словно камень брошен в озеро. Оно уже исчезло, а круги по воде уже идут, привнося в мою жизнь волны перемен. Желание пойти на попятную было сильным. Очень. Отказаться от своих слов, отвернуться от Риагана и забраться на ящера брата. И сбежать... Вернуться в прошлое... В боль, тоску и одиночество. К троллям все это! Я решительно тряхнула головой. –

Айгир, я решила. Я познакомилась с Риаганом вчера, когда пошла прогуляться, помнишь? Мы с ним подружились. Мне кажется, из этого может выйти что-то хорошее...

Айгир повернулся ко мне.

– Не помню, чтоб этот Риаган выходил к костру хоть в один из дней Большого Совета. Мы его не знаем! – брат настороженно оглядел претендента на мою руку. В следующие бесконечно долгие моменты Риаган подвергся допросу со стороны моего брата. Как живет, что ест, где охотится, кто родители, братья и сестры...

Риаган отвечал коротко и быстро. Происходит из клана Ма-Тару. Живет в своем доме один. Хозяйство при доме, правда, небольшое, но ради возможной жены готов расширить. Отец и мать умерли недавно, сестер и братьев нет. Женат не был...

Айгир обратился к одному из наших охотников. – Итар, спроси, пожалуйста, у Ма-Тару из их ли клана этот охотник.

Пока Итар шел к охотникам, мы с Риаганом оба в застыли в напряжении.

Итар что-то спросил. Ему что-то ответили. Он кивнул охотникам Ма-тару и пошел обратно к нам.

– Они говорят, что он действительно из их клана, – донес Итар итог разговора с представителями клана.

– Я слышал о Ма-Тару. У них сильный процветающий клан, – сказал Айгир. Он взял меня за плечи и заглянул мне в глаза. – Ты уверена, что хочешь этого, малышка?

– Да! – сказала я, стараясь отогнать трусливое «Нет!», мелькнувшее в моем мозгу.

Айгир помедлил. Он решал мою судьбу. Маленькая испуганная девочка внутри меня молила, чтоб он отказал. Тогда у меня будет повод оставить все, как есть. Я глушила малодушный внутренний голос, умоляющий меня сбежать домой в мой родной клан. Это просто страх. Это нормально – нервничать на пороге больших перемен. Я не струшу. Я все сделаю, как надо!

Я посмотрела в глаза Риагана и увидела в них надежду и ожидание. Я ему нравлюсь! Эта мысль согрела нутро, как глоток горячего вина холодным вечером. И я улыбнулась.

Брат долго переводил взгляд с меня на Риагана и обратно на меня, и, наконец, сказал.

– Хорошо!

Меня готовили к отправке с Риаганом. Я носилась между двумя ящерами, как между прошлым и будущим веселая и напуганная одновременно. Это и в самом деле происходит со мной! Я это сделала! Решилась. Весело от того, что страшно. Страшно от того, что весело. Наверное, я выглядела, как ошалелая белка, перепрыгивающая перед зимой свои припасы. Кто-то из наших мужчин пошутил, про то, насколько я тороплюсь побыстрее отделаться от них. Знали бы они, насколько близка эта шутка к правде. Я все еще боялась передумать. Меня потряхивало от смеси страха, возбуждения и

радости.

Мои вещи быстро закрепили на ящере моего нового спутника и начались прощания. Я плакала. Брат тоже плакал. Не знала, что он способен на это.

Клан Риагана тронулся в путь и нам пришлось прервать прощание. Мне помогли взобраться в седло и мы пристроились в хвост колонны ящеров клана.

Хорошо натоптанная дорога вывела нас с поляны Совета. Я перестала оглядываться на брата. Все равно его уже не видно за деревьями. Позади остался мой родной клан, мое детство, мои разбитые мечты. От всего этого отгородило меня сильное мужское тело, подпирающее меня сзади, и жилистые руки, кольцом смыкающиеся на поводе ящера у моего живота. Волнительно. Очень. Я никогда не сидела впереди всадника на ящере. И брат, и Микан всегда возили меня только сзади.

Мне нравилось. Риаган правил ящером уверенно. Седло под нами покачивалось в такт движениям мощных ног зверя. Впереди ловко петляла по горным тропинкам вереница ящеров клана Ма-Тару.

Интересно, какие они? Как живут? Устраивают ли празднества у костра? Танцуют ли всем кланом вместе? Собираются ли их женщины на совместные занятия рукоделием? Какие песни поют? Сильно ли отличаются от нас? Получится ли у меня влиться в их жизнь? Не может же быть, чтоб у них совсем все было по-другому. Мы ведь все таки принад-

лежим к одному народу.

У всех кланов Горных Охотников есть набор общих черт. У каждого мужчины в любом клане есть свой ящер, которого охотник может воплощать в мир и рассеивать по своему желанию. У охотника и зверя единое сознание. Ящер является частью сущности охотника. Как способность сопротивляться болезням. Защитное приспособление. Дополнительная пара глаз и ушей. Идеальное оружие. Отточенный набор идеально послушных острых зубов и когтей. Ящер проявляется тогда, когда мужчина набирает достаточно сил и воли, чтоб поддерживать его. Мой брат обрел своего в тринадцать лет. Микан – в возрасте семи лет. А мой племянник Яридан уже к трем годам научился вызывать своего крылатого красного ящеренка.

Ящер Микана был огромным. Одним из крупнейших в нашем клане. У него была большая трехрогая голова, лапы как стволы полувековых сосен, мощный короткий хвост с утолщением на кончике.

У Риагана ящер был другим. Легкие ноги, подвижное не слишком массивное тело, узкая голова на чуть изогнутой шее, и хвост раза в два длиннее корпуса.

Женщины кланов рождаются обычными. Без ящера. И если женщина выйдет замуж за обычного человека, она никогда не сможет родить настоящего Горного Охотника. Ее дети будут простыми людьми. Нас рождается меньше, чем мужчин. Я не знаю, почему. И, как правило, все женщины оста-

ются в горных кланах. Раз в три года на Большом Совете кланы устраивают грандиозные смотрины. Каждый, кто одинок, может попытаться найти себе там пару. Мужчины часто приводят себе жен с Великой Равнины.

Я всегда видела себя женой Микана. Я распланировала всю нашу жизнь: как мы будем жить, сколько у нас будет детей и как мы их назовем. Я все продумала. Не учла только одного. Того, что Микану все это не нужно. Не со мной.

Я поежилась от неуютных мыслей. Тот, кого мне придется называть своим, истолковал это по-своему. Из седельной сумки прямо на ходу была извлечена накидка и заботливо брошена мне на плечи.

Не угадал... Мне не холодно. Мне просто тоскливо. Грустно от того, что закончилась моя старая дорога – хорошо знакомая, топтанная с ясными и четкими ориентирами.

Старого пути больше не было и осознание этого уже успело ввергнуть меня в хандру. Но ведь началась новая дорога. Вот она, впереди. Какая она? Тернистая, ровная, извилистая, радостная? Не известно. Я ее еще не осознала. Возможно, потом на ней появятся свои ориентиры, новые опорные точки, между которыми будет строиться моя жизнь. Но пока их нет и я чувствовала себя блуждающей в тумане. Обрыв впереди или гладкий путь, друзья или враги, новая любовь или пожизненное оплакивание потерянной?

Возможно ли, что охотник, бережно придерживающий меня в седле и есть тот самый? Мне в это слабо верилось.

Да, он симпатичный. Очень. До мурашек на коже. Но он такой... Другой. Совсем. И я ведь не распознала в нем свою истинную и настоящую любовь. Не было ничего такого, о чем рассказывали другие женщины нашего клана. Ни дрожи в коленках, ни трепета в груди, ни безумного желания, затопившего обоих и сразу. Наоборот. Я его испугалась. И, совершенно точно, я не хотела его, как мужчину. Совсем не так, как Микана. Но он и не вызывал у меня отторжения, как другие парни на Совете. Может быть для меня это уже и есть благо? Может я привыкну и научусь с ним жить? А может я встречу кого-то еще в его клане. Наши обычаи позволяют женщине передумать. Обряд соединения будет только через три месяца. Время у меня есть. Это утешало. Давало какую-то уверенность, что у меня все еще есть возможность что-то изменить.

Но сначала мне придется постараться. Нужно влиться в их жизнь, принять их уклад. Я ведь смогу. Я все могу, если захочу. Много умею и руки у меня ловкие. Стану полезной. Скоро я узнаю каково это – быть частью клана Ма-Тару. И это до икоты волнительно, страшно и грустно одновременно.

Путь превратился в бесконечное монотонное покачивание, иногда меняющееся на непродолжительные подъемы и спуски с перевалов. Горы постепенно становились круче. Все реже попадались на склонах лиственные деревья. По краям нашей тропы напряженно вытянувшись стояли темными стражами могучие сосны и ели.

Мы шли уже четыре дня. Разговоров в строю почти не было. Видимо, Ма-Тару – молчаливый клан. Наверное, это не удивительно, если они живут в таком суровом краю. Наши родные горы теперь казались мне совсем не такими высокими, как раньше. В просветах деревьев и над их вершинами теперь возвышались припорошенные снегом коричнево-фиолетовые пики. Стоянки становились все короче. Мне казалось, что клан торопится. Днем мы по прежнему плелись в хвосте строя. Ведущий изредка выкрикивал какие-то распоряжения. На этом общение с членами клана заканчивалось. Во время ночевок у нас с Риаганом не получалось разговаривать, как в первую ночь нашего знакомства. Он уставал. Не мудрено. Мне даже представить сложно, насколько трудно идти весь день, карабкаться по склонам, удерживать ящера и внимательно смотреть по сторонам, чтоб ящер не остушился. Как только мы располагались на лежаках, Риаган начинал клевать носом. Как бы мне не было скучно и не хотелось беседы, я не тормозила Риагана. Пусть спит. Гораздо сильнее скуки я боялась, что если он не выспится как следует, поскользнется и мы свалимся в какое-нибудь ущелье.

Наш путь пролегал спокойно до одного неприятного случая, который не только испортил мне настроение. Это уничтожило во мне те крохи решимости и храбрости, которые я в себе лелеяла все дни нашего пути. А все потому, что мой спутник поссорился с одним из охотников группы. Ссора выросла из крохотного недовольства в яростную бурю момен-

тально. И я каким-то непонятным мне образом стала причиной этой ссоры. Считанные мгновения назад все казалось спокойным и вот уже Риаган и другой мужчина изрыгают в адрес друг друга ругательства. Другой охотник требовал, чтоб Риаган держался от него подальше и не смел подходить. А потом он сказал, что не ожидал, что кто-то вообще захочет прилипалу-Риагана себе в пару. Разгорячившись, охотник Ма-Тару бросил фразу о том, что со мной, наверное, что-то не так, раз я не смогла заполучить себе нормального мужчину. Его слова обожгли меня словно пощечиной. Я пыталась проглотить обиду, стараясь не думать о том, что этот неизвестный мне охотник прав. Со мной действительно все не так. Нормальные женщины не бросаются за первым попавшимся охотником лишь бы не возвращаться домой. Нормальные женщины не залезают в палатку к незнакомым мужчинам. Нормальные женщины вступая в пару не дрожат от страха того, что всю жизнь будут сравнивать своего мужа с несостоявшейся любовью. Я не успела утереть набежавшие слезы, как Риаган немедленно схватил моего обидчика за горло. Охотники сцепились как два обезумевших горных льва. Драка закончилась вмешательством Главы клана, который растащил дерущихся мужчин как заигравшихся котят за шкурки. А потом он отчитывал громоподобным голосом двух заигравшихся юнцов, а я молилась о том, чтоб стать совсем маленькой и незаметной, чтоб он не вспомнил обо мне.

Я стояла позади всех и пыталась понять, что же я тако-

го неправильного сделала или сказала? Всего лишь подошла и попросила у того охотника соли. Почему он потребовал у Главы, чтоб тот убрал меня от него? У них в клане считается грехом просить соль? Или дело в том, что я вообще заговорила с ним? Почему? Потому что я женщина, да к тому же «чужая»? Но в наших кланах нет запретов на общение женщин с мужчинами. Тем более, я же теперь буду относиться к их клану. Так что-же было не так? Почему он обратился к Главе, а не к самому Риагану? Мой спутник предложил ему изъяснить недовольство прямо. Это и вывело ссору в разряд ураганов.

Наконец, страсти улеглись и все разошлись по своим лежачкам. Мой охотник сидел на корточках у ручья, промакивая кровь с разбитой губы платком. Я не захотела оставаться одна возле места стоянки и потому от волнения топталась на валуне возле ручья.

– Зачем ты его ударил?

– Он сказал гадость о тебе, – Риаган сверкнул глазами в мою сторону и опустил в воду платок, выполаскивая из него кровь.

– Теперь он будет злиться еще больше, – я все равно нервничала. Я сердилась на себя за то, что не сдержалась, за то, что расплакалась и за то, что ничего в жизни у меня не получается так, как надо.

– Нет, теперь он закроет свой поганый рот и будет ехать молча, – отрезал охотник.

– То, что он не будет ничего говорить, не значит, что он не будет злиться. За что он рассердился на меня?

– Он злился на меня.

– Почему?

– Мы с ним давние враги, – Риаган приложил платок к вспухшей скуле и поморщился от боли, а затем немного злобно усмехнулся. – А теперь, я везу тебя, а он возвращается в клан один. Вот он и бесится.

– Он теперь будет ненавидеть и меня тоже. Как мы будем жить с ним в одном клане? Он ведь будет и дальше искать ссоры. А если он настроит против меня клан?

– Не волнуйся. Обещаю. Когда мы приедем домой, никаких ссор с моими сородичами у тебя не будет, – он неровно улыбнулся мне вспухшей щекой. – А у Сиамара теперь на парочку зубов меньше, чем у меня.

Я в отчаянии вздохнула. Мальчишка! Я связалась со вздорным вспыльчивым мальчишкой, который бьет морды своим соплеменникам! Да, он выступил в мою защиту. Но Микан не допустил бы даже такую ситуацию, в которой ему пришлось бы защищать свою женщину от оскорблений своих же соплеменников. Я не могла себе даже представить, чтоб он ударил кого-то из своих, или, чтоб у него были враги в родном клане... Я не смогу! Риаган же не... В общем, я надеялась только на то, чтоб в клане оказалось достаточно взрослых мудрых людей, чтоб сдержать этот ураган. Интересно, а с возрастом такие успокаиваются? А если нет! Если

становятся только хуже?

Полночи я ворочалась на лежаке. Раздумья о собственном будущем и прошлом заставляли меня считать звезды, которые изредка показывались в просвете бегущих по небу облаков, в тщетной попытке уснуть. Луна медленно ползла по ночному небу, прикрываясь дымкой облаков. В костре догорала очередная порция дров. Я выползла из-под одеяла, подкинула в огонь еще одно полено и снова юркнула в теплое укрытие. Лес вокруг казался неудобным. На фоне сизо-синего неба черными кривыми зубьями выделялся ряд еловых верхушек.

Я оглянулась на соседний лежак. Мой спутник спал. Везет ему. Казалось, его абсолютно не заботило сегодняшнее происшествие.

Может зря я так волнуюсь? Вдруг и правда, все будет мирно, как и обещал Риаган. Он выглядел таким уверенным, когда говорил это...

Утро выдалось промозглым и влажным. Росинки украсили траву вокруг нас россыпью крошечных бриллиантов. Восходящее солнце уже почти разогнало ночной туман и теперь расчищало небо от последних облачков.

Я любовалась росой в изумрудной траве лишь несколько мгновений. До того, как поняла, что поляна пуста.

Охотники ушли.

Я в панике подскочила и оглянулась. Наши тюки лежали у изголовья наших лежаков. Вещи остальных охотников ис-

чезли. Костры потушены и засыпаны землей. Я растолкала мирно спавшего на своем месте Риагана.

– Вставай! Риаган, вставай же!!!

– Что? – охотник приподнял голову.

– Где все?

Риаган сел на своем лежаке, потянулся и пригладил пятачком взлохмаченные ото сна волосы.

– Все ушли! – меня начал раздражать его равнодушный вид. – Никого нет! Ты что, еще не проснулся?

Риаган оглянулся, посмотрел на высоко поднявшееся над горами солнце и изрек.

– Видимо, мы проспали. Все ушли вперед.

– Ушли вперед... – тупо повторила я. В моей голове такое положение дел никак не укладывалось.

– Не переживай. Сейчас соберемся и к полудню догоним всех.

– Скажи, а у вас так принято, да? Бросать своих даже не разбудив!

Он пожал плечами и поднялся на ноги.

Мы собрались очень быстро и двинулись в путь. Я торопила Риагана, как могла. Я высматривала силуэты группы охотников на склонах гор впереди и по бокам от нас. Бесполезно.

Мы не догнали группу ни к полудню, ни даже к вечеру.

Между горами уже стелился ночной туман, когда Риаган ссадил меня с ящера и стал отвязывать с его спины тюки с

нашими вещами.

– Что ты делаешь?

– Готовлю наш ночлег, – спокойно сказал Риаган, спуская на землю последний мешок и развоплощая ящера. Я уже изнемогала от волнения, страха и отчаяния и готова была искать малейший повод, чтоб сорваться. Спустить напряжение. К сожалению, рядом со мной был только Риаган, а я была уже на краю истерики. Я теряла терпение сотню раз за этот день. Я устала от неизвестности, бесконечной унылой дороги и поисков его странных соплеменников. Но оказалось, я не готова была просто сесть и ничего не делать. Не сейчас, когда я находилась посреди неизвестности с человеком, который делал вид, что знает, куда надо идти.

– Зачем ночлег? Пойдем дальше! Надо искать группу.

– Ночью идти опасно. Ты и сама знаешь. Переночуем и нагоним их завтра.

– Давай пройдем еще. Вдруг они недалеко! – я стояла Риагану над душой. Нет... Я там топталась. Я на него наседала. Нависала над ним, как готовая разразиться громом и молниями туча. А он продолжал спокойно расстилать одеяла.

– А если они далеко? Нам тогда придется разбивать стоянку в темноте. Ты хочешь остаться в лесу без защиты пламени костра? Я – нет. Здесь полно хищников, способных завалить моего ящера пять раз подряд, и между делом набить брюхо. Уверен, нежное женское мяско придется им по вкусу.

Я поежилась, представив себе когти и зубы тех самых зве-

рей. Мой пыл немного угас.

– А как же защита? Поставь какое-нибудь защитное закливание. Или поставь энергетический щит. Ты ведь можешь? Многие охотники могут.

– Этот твой Микан может, верно? – мрачно спросил Риаган.

Я кивнула, заливаясь краской.

– Многие могут, но не я, – сказал охотник. – Нам безопаснее остаться здесь. Позади нас отвесный склон. Вряд ли по нему кто-то сможет спуститься. По крайней мере, сделать это тихо не выйдет. Переночуем, а с утра пойдем дальше.

– А если мы и завтра их не нагоним?

– Ты собираешься помогать мне обустроивать ночлег?

– Признайся, ты заблудился?

– Нет!

– Тогда почему мы за день так и не нашли охотников Матару?

– Видимо, мы проспали больше, чем я предполагал и они просто ушли дальше, чем я думал.

– Думал...

– Успокойся. Все будет хорошо, – он обхватил мое лицо ладонями и я, сама того не ожидая от себя, выдохнула. – Даже если мы не нагоним их завтра, до дома осталось совсем не много. Завтра к вечеру мы уже будем на месте.

Мы быстро обустроили лежаки под естественным навесом, который образовал крутой склон горы. Затем Риаган

соорудил вокруг нашей стоянки странные заграждения из веревок и каких-то небольших шариков, похожих на детские погремушки. Сказал, что это сигнальные ловушки. Если зверь полезет к нам, мы услышим. Хорошо, хоть так.

Весь следующий день мы ехали мрачные. Риаган предупредил меня, что ночи мы, наконец, будем дома. Дома... Надеюсь, я тоже смогу почувствовать себя «дома». И, надеюсь, что его соплеменники действительно не такие подлые говнюки, какими они оказались в пути. Должно же быть объяснение тому, почему они оставили нас и не удостоверились, что мы в строю.

Ближе к вечеру я уже не переставала донимать Риагана бесконечными вопросами: «Мы уже приехали? А теперь мы уже приехали? А когда приедем? А долго еще?». Я понимала, что раздражаю его, но ничего не могла с собой поделать. Он держался изо всех сил. Я видела. Он бы в тот миг легко перекусил стальную цепь, настолько сильно он стискивал челюсти и скрипел зубами.

Он, наверное, уже пожалел, что выбрал себе в пару именно меня. За нашу поездку я вылила на него все свои плохие чувства: гнев, усталость, раздражительность, вспыльчивость, грусть. Я показала себя с худшей своей стороны.

Нужно было быть сдержаннее. И мудрее. А еще лучше – умнее. Тогда бы мне хватило сил расстаться со своей одержимостью Миканом. И не было бы всего этого кошмара. Я не тряслась бы по горной дороге, осознавая, что и этот незнако-

мец отвернется от меня, как только мы въедем в его деревню, потому что я выела ему мозг меньше чем за сутки.

Риаган мне почти нравился. Мне с ним было хорошо. Уютно. Я, наверное, навсегда запомню это ощущение. Не надеялась я, что кто-то сможет подарить мне это ощущение, кроме Микана.

Я обернулась в седле и заглянула ему в лицо. А он красивый. По-своему. Рана на губе все еще была покрыта корочкой, а на скуле красовался внушительный кровоподтек после той драки, когда он вступился за меня перед соплеменником. На душе вдруг потеплело. И я ему нравлюсь. Нравилась там, на Большом Совете. Может быть уже все прошло? Не осталось и капли той симпатии? Он почувствовал мой взгляд и ответил на него.

– Что?

Я замерла. Я словно растворилась. В моем животе словно растворился нервозный комок, не отпускавший меня всю дорогу. Я смотрела на Риагана и видела, как расслабилось его лицо. Он успокоился. В медно-оранжевых с искристыми всполохами глазах теперь читалась прежняя уверенность и задоринка. Он старался заглянуть мне в душу. Он вглядывался мне в лицо. Ему хотелось прочесть мои мысли в этот момент.

– Эй! Что такое? – уголки его губ вдруг тронула улыбка.

– Ничего, – я улыбаясь развернулась обратно, поудобнее обустроиваясь в кольце его рук.

Я поражалась тому, что сейчас случилось. Ни одного слова. Ни одного жеста. Только взгляд. И ведь полегчало! Теперь его присутствие ощущалось невероятно близко за моей спиной. Так по-новому. Я улыбалась.

Скоро мы приедем в клан Ма-Тару. Я получу желаемые объяснения всему происходящему. И тогда мне станет стыдно перед Риаганом за свое недоверие и за свою истерику.

Мне уже было стыдно. В этом вся я. Я могу испортить хороший шанс на счастливую жизнь из-за собственного дурного характера. Да, если Риаган передумает, у меня еще будет другой шанс. Но, хоть я и убеждала себя в этом, я не могла всерьез представить себе, что начну принимать ухаживания от другого мужчины из клана Ма-Тару на глазах у Риагана. Это унизило бы его перед соплеменниками. Ха! Вез женщину для себя, а она предпочла ему другого. Над ним будут потешаться. Тот, с кем он подрался на привале точно воспользуется ситуацией, чтоб отплатить за разбитое лицо и попранное самолюбие. Мне казалось, что Риаган такого не заслуживает. Я так не смогу.

Если у нас ничего не получится с Риаганом, я вернусь в Ару-Кечи. Брат сказал, что в моем родном клане всегда будут рады мне, если я захочу вернуться. Что ж... Значит, отходной путь у меня имеется.

– Мы почти приехали! – объявил наконец Риаган. – Видишь тот горный перевал впереди?

– Да... – я шарила взглядом по тернистому почти отвесному склону перевала.

– Мой дом прямо за ним, – Риаган улыбнулся и ускорил ящера.

Я встрепенулась. Прежнее уныние растворилось без следа. Как замечательно! Деревня, принадлежащая клану уже так близко! Я вглядывалась в край перевала, предвкушая себе, как впервые за последние три недели посплю на настоящей кровати. И моечная! Обязательно схожу в моечную. А может у них и парилка есть? Ох! Было бы великолепно! Я, наконец, смою с волос пыль недельного перехода через горы. Я смогу выстирать одежду! А какие у жителей деревни домики? Место суровое, это должны быть очень теплые жилища.

Мы подошли к подножию перевала. Я изо всех сил старалась не ерзать на спине ящера.

Мы начали восхождение к вершине перевала. Я вцепилась в седло и вглядывалась. Когда же? Когда?

Склон перевала стал пологим и почти выровнялся. Теперь можно было видеть горы, воздевающие к небу свои далекие вершины, одетые в белые снежные колпачки. А я все высматривала. Горы... горы... Горы высокие... Горы кряжистые... Серебристые ленты водопадов свисали с горных кряжей как бриллиантовые искристые подвески на серебряных цепочках. Красиво, изысканно. Но меня сейчас мало интересовала их красота. Я шарила взглядом по пейзажу, выискивая, где

же между неприступными склонами могла затесаться деревня.

Мое хорошее настроение покидало меня со скоростью несущейся в бездну лавины, сгребаяющей на своем пути все мало-мальски привлекательное. Деревни я не видела. Камни, склоны, деревья, река, разливающаяся широким извилистым руслом чуть ниже перевала, какой-то полуразрушенный сарай... Наверное, деревня чуть ниже в долине. Я приготовилась собрать из уголков своего характера остатки терпения и ехать дальше.

Тем временем ящер стал держать направление на сарай. Мы спускались по склону с другой стороны перевала и с каждым шагом долина открывалась моему взгляду все больше. Деревни нет. Чем дальше мы ехали, тем яснее становилось: Риаган идет к сараю. Деревни здесь нет. Зачем нам сарай? Нехорошие предчувствия крепки, перерождаясь в подозрение. Деревни нет!!!

Риаган остановился прямо у сарая, который оказался частично разрушенным старым домом. Мы спешили и замерли оба, взирая на одинокое строение. Это явно дом. Вернее, когда-то было домом. Старый деревянный сруб из очень толстых стволов. Нижние венцы потемнели и поросли мхом. Стена обращенная к нам имела четыре окна, два из которых были заколочены досками. Два уцелевших окна сиротливо глядели на меня старческими помутневшими стеклами. Чуть просевшая крыша являла взору залатанную с одного края

кровлю.

– Что это, Риаган? – я в замешательстве посмотрела на спутника.

– Это мой дом.

– Дом... А деревня? Где деревня?!!

– А деревни здесь нет, – Риаган развел руками немного с виноватым видом. Мне захотелось треснуть его по башке.

– Как нет? Ты же говорил, что мы приедем в деревню к вечеру!

– Я говорил, что мы приедем домой. Про деревню не было ни слова.

– Что происходит?!! Это шутка такая? Если да, то это вообще не смешно! – мне стало очень страшно.

– Нет. Это правда. Я живу один. Здесь.

Я в панике смотрела на Риагана и видела в его лице только одно: это не шутка! Он это серьезно!!!

– Один... Один? – я оглядела ветхую хибару. Как здесь вообще можно жить в одиночку? – А как же клан? Мы же шли с ними.

– Нет. Я просто шел за ними, а они нас не прогнали.

– Ты соврал! Ты даже не Ма-Тару! – я прижала дрожащие руки к щекам.

– Я из Ма-Тару! Был раньше... До изгнания. И, вообще-то, я тебе ни разу не говорил, что мы будем жить в клане, – Риаган принялся отвязывать от ящера тюки с вещами.

– Это обычно подразумевается, когда мужчина предлагает

девушке стать его парой и говорит, что он из клана Ма-Тару. Суть от этого не меняется. Обманул или скрыл, итог точно такой же. Ты не сказал, что все будет так!!!

– А ты и не спрашивала! Я предложил тебе поехать со мной. Ты волновалась лишь о том, как сбежать от твоей несчастной любви и ужиться с моим кланом. Так вот, могу тебя утешить. Первое твое желание выполнено. И о втором волноваться не придется. Тебе не придется уживаться с моим кланом, – он саркастически усмехнулся.

– Да! Потому что у тебя его нет! Ты – бездомный! Ты мог мне сказать!

– А ты бы поехала тогда? – вопросительный взгляд на меня сквозил иронией.

– Нет! А ты не стал бы жалким вруном! – я отвернулась и запустила пальца себе в волосы. – Так вот почему твой клан посчитал меня каким-то уродом. Кто еще мог связаться с отщепенцем!

Мешок в его руках обреченно провис, глухо ударившись о его ногу. Он молчал, глядя себе под ноги.

«Они ушли дальше, чем я думал! Мы догоним их завтра» – передразнила я интонацию Риагана, злорадно отмечая искорки раскаяния в его взгляде. А затем процедила сквозь зубы. – Отвези меня домой! Сейчас!

– Послушай, Яра, – Риаган бросил мешок с одеждой и развернул меня обратно к себе. Он смотрел мне в глаза с умоляюще-виноватым видом. – Не горячись! Да, я соврал, недо-

сказал... Все так! Но у изгоя почти нет шансов найти себе пару на Совете. И... Мы ведь друг другу правда понравились тогда. Ведь понравились? Ты ведь тоже это чувствовала. Дай нам шанс! Ведь это все еще я... и ты...

В медно-золотых глазах застыли просьба и ожидание, наполовину смешанное с обреченностью. Я замерла. В моей груди что-то предательски дрогнуло. Я стряхнула с себя опешение и замешательство. Нравился... Не нравился... Какая теперь разница? Он просто лгун!

– Отвези! Меня! Домой! – я сбросила его руки со своих плеч.

– Нет, – его взгляд похолодел и стал колким, как январский мороз.

– Что значит «нет»?

– А то и значит.

– Ты должен вернуть меня назад! Таковы традиции. Я имею право...

– Ты плохо знаешь обычаи. До истечения трех месяцев со дня Совета мы должны либо совершить обряд соединения, либо мне надлежит вернуть тебя семье. У нас с тобой впереди целых длинных-длинных-длинных три месяца. Так что, милости прошу в мое скромное жилище! – он сделал нарочито-широкий приглашающий жест.

Я на мгновение онемела от его наглости.

– Собираемся в путь немедленно! – я цедила слова через стиснутые зубы. – Я не собираюсь торчать в твоей хибаре!

– Ты можешь собираться куда угодно, но я никуда не поеду. Я, между прочим, неделю тащил тебя по горам и в ближайшие три месяца у меня куча дел. Состояние моего дома требует внимания, если ты успела заметить. И я обещал твоему брату расширить хозяйство. Не хочу краснеть перед ним, когда он придет в гости на наш обряд.

С этими словами наглец подхватил три связанных вместе мешка с моими вещами в одну руку и забросил их себе на спину. В другую руку Риаган взял пару собственных тюков. Он небрежно поклонился мне, поддернул повыше на плечо сползшую связку из мешков и направился вокруг дома.

– Надоест корчить из себя обиженную праведницу, дверь в дом находится с обратной стороны, – бросил мне Риаган почти из-за угла дома.

Риаган скрылся за домом. Дважды скрипнула входная дверь. Я осталась на улице одна.

Что делать? Я обернулась в ту сторону, откуда мы пришли. Я никогда не осмелюсь повторить этот путь в одиночку. Даже вдвоем с Риаганом это было страшно. Одна я не смогу.

Собственное бессилие душило меня слезами. Я сидела на земле спиной к хибаре и смотрела на бугрящийся горными вершинами горизонт. Где-то там за лесистыми сопками и горными кряжами спрятался под непроницаемым магическим щитом мой родной клан. Мой дом.

Зачем я все это затеяла? Это ирония судьбы какая-то. Из-

девка. Насмешка. Хотела перемен – получи по полной. С Риаганом ничего хорошего получиться не может. Один, изгнан, брошен всеми. Что такого нужно было совершить, чтоб от тебя отказался весь клан? Это должен быть серьезный проступок. Наверняка это было что-то ужасное. А вдруг Риаган опаснее, чем те твари, которые могут поджидать меня в горах? Вдруг он убийца невинных? Но тогда бы клан наверняка не отпустил бы такого опасного сумасшедшего. Его бы не выгнали, а казнили. Его должен был судить суд старейшин клана. Только они могут принимать решение об изгнании или принятии нового члена. Возможно, Риаган жестоко обманул кого-то. Как меня. Или подставил. Подвел под беду. Потому и выгнали. И все те издевки и колкие шуточки в наш адрес, пока мы шли с его бывшим кланом, становились понятными.

Я считала себя чужаком в родном клане. Как я ошибалась! Я хочу домой! Хочу снова видеть родных. Хочу в свой маленький аккуратный домик. На мгновение мелькнула мысль попросить Риагана проводить меня домой. Если его попросить, спокойно, может он огласится. Но обида во мне была сильнее. Да, я вспыхнула. Я кричала. А какой реакции он хотел? Он солгал. Его не волновало, что я на самом деле думаю. Он знал, что я откажусь, если узнаю правду. Если бы он хоть немного думал обо мне, он бы не стал впутывать меня во все это. Нечего даже просить отвести меня домой. Не станет. Не слушает.

Вот теперь я действительно одна. Такая же потерянная, как и Риаган. Он бросил меня одну снаружи. А если со мной что-то случится? Кто знает, что за твари бродят здесь.

Столько раз я завидовала истории любви моего брата и его жены Найрани. Он ее похитил, принес в свой клан, они полюбили друг друга... Столько раз я примеряла эту историю на себя. Она казалась мне красивой сказкой, в которой такие разные люди, предназначенные друг другу судьбой, обретают любовь. Одиночка-охотник и прекрасная ласковая дева. А сейчас я понимаю: это вообще не романтично! Это ужасно! Я не понимаю, как Найрани не пришибла моего брата в порыве злости. А ведь могла... Она в отличие от меня магией владеет. Она могла стереть его в порошок. Как она удержалась? А он? Да как ему вообще наглости хватило забирать кого-то против его воли?

Ну, ладно. В нашем с Риаганом случае – я сама согласилась. Но ведь я не знала! Не знала, что он живет один в худшей дыре нашего мира!

Я оглянулась на хибару, растопырившуюся между землей и небом темным мрачным прямоугольником. За одним из целых окон мелькнул крупный силуэт. Я разозлилась снова. У Риагана хватало наглости наблюдать за мной из окна! Он стоял там и смотрел. А когда я повернулась, он скрылся в глубине дома. Решил удостовериться, не сожрали ли меня еще тут. Наглец! Ну, погоди у меня! Я тебе такое устрою! Я превращу твою жизнь в ад. Через несколько дней ты бегом

побежишь к моему брату и будешь умолять забрать меня обратно. Посмотрим, кто кого.

Просидев на земле возле дома до самого заката, я пропустила момент, в который ощущение солнечного тепла на коже сменилось прохладой и влажностью позднего вечера. Придумывала способы, которыми я буду изводить обманщика. Опомнилась я, когда злорадство перестало греть меня достаточно для того, чтоб не чувствовать вечернего холода и сырости от земли.

Я встала и размяла затекшие от долгого сидения ноги. Пора бы обойти свои новые «владения» и оценить «хозяйство», мне доставшееся. Прежде, чем планировать следующие шаги по доведению Риагана до отчаяния, неплохо было бы разведать поле будущего боя. Может еще какие идеи придут в голову.

Из трубы шел дымок. Значит, печь в этом сарае имеется. Хорошо. Не окоченеет от холода. Я обошла дом. Никакого подсобного хозяйства, кроме сиротливо стоявшего чуть поодаль туалета, при доме не было. Ни курятника, ни хлева. Даже простого загона. Вернее, загон-то как раз тут когда-то был, только разрушился. От него осталось только несколько прогнивших опор, вкопанных в землю. Я скривилась. Ни молока, ни яиц мне не светит.

Входная дверь была явно новее остального дома. Грубо сколоченная, она крепилась на широких кованых петлях. Я

потянула за ручку и дверь ответила мне недовольным визгливым скрипом. Ужасный звук царапнул по нервам. Не мог смазать что ли? Я неслышно выругалась и шагнула в сени. Было темно и чуть уловимо пахло сыростью. Доски пола нужно было бы снять и просушить. Сгниют же. Плесень поползет, потом не выведешь.

Я закрыла за собой дверь на засов и пошла дальше. За второй, более легкой дверью обнаружился короткий коридор с четырьмя дверными проемами, по два с каждой стороны. Крайний правый оказался лишенным двери и наличников входом в кухню. В большом пространстве царила унылая пустота. Кроме большой медной мойки, печи и узкого стола другой мебели не было. На столе стояла одна единственная тарелка и одна кружка с сиротливо торчащей из нее ложкой. Тоже единственной. Интересно... Мы есть будем по очереди? Мойка и печь, однако, были чищенные. Не придется отскребать копоть. Хотя, зачем это мне? Я ведь не пробуду здесь долго.

Соседняя с кухней комната была пуста. Совсем. Оба окна в ней были заколочены досками, отчего комната создавала впечатление кладовки. Между венцами зияли щели. Местные птицы растащили мох и паклю в свои гнезда. Обе внешние стены нужно конопатить заново.

Следующая комната была заставлена хламом. Какая-то сломанная мебель, обломки досок и осколки черепицы, сложенные кучками, полуразвалившийся ушат, куча каких-то

тряпок, кадушка, накрытая какой-то тканью. На полу виднелся прямоугольный темный след, словно здесь долгое время что-то стояло. Идеально подходящий к следу предмет нашелся в двух шагах. Это был сундук, закрытый на массивный заржавевший замок.

За закрытой дверью последней комнаты чем-то шуршал Риоган. Туда я входить не стала.

Уныло, убого. Разруха, царившая вокруг угнетала. Голые стены, мутные стекла в окнах. Я вздохнула. Выбор у меня небольшой. Либо комната с заколоченными окнами, либо кухня. И я решила обосноваться на кухне. Осталось только забрать свои вещи. Судя по тому, что я их нигде не видела, они в комнате Риогана. Я набрала в грудь побольше воздуха для смелости и постучала в дверь.

Скрипнули несколько раз половицы в комнате, дверь распахнулась и фигура Риогана заполнила проем.

– Мне нужны мои вещи!

– Вот они. Входи, – он посторонился и я увидела вполне жилую комнату. Широкая кровать, укрытая шкурами и одеялами примыкала изголовьем к стене. Возле нее стояла табуретка, на которой красовалась свеча в низком подсвечнике. Мешки и сумки были свалены большой кучей в одном из углов. Я принялась выбирать свои.

– Подожди, что ты делаешь? Ты собираешься унести их?

– Да.

– Оставайся спать здесь. Это самая теплая комната в до-

ме. Я нашел этот дом только осенью и не успел восстановить полностью.

– Здесь? То есть с тобой, – я насмешливо приподняла бровь.

– Я уступлю тебе кровать, а себе сделаю лежак из шкур и одеял вот тут в углу. Позже обустроимся более удобно.

– Ни за что не останусь с тобой в одной комнате.

– Яра, не глупи. Перестань упрямитесь и подумай головой.

– То есть, я, по-твоему еще и дура? – я взорвалась. Я носилась по комнате, как злобная фурия. Я рывками хватала свои тюки и бросала их через весь коридор в кухню. – При-тащил в эту дыру, обманул, и еще хочешь чего-то большего? Может мне еще и в постель с тобой лечь? Ах, нет! Если ты захочешь, ты меня спрашивать не станешь! Заставишь. Или обманешь опять! Это твои методы!

Я распалаясь все больше, стараясь не замечать, как он напрягся, словно его ударили. А затем он тоже стал хватать мои мешки и вышвыривать их из комнаты.

– Что ты делаешь? – я взвизгнула, когда первый мешок пролетел мимо меня в коридор.

– Помогаю тебе! Ты можешь думать обо мне все, что угодно, но я не насильник. У меня была масса возможностей причинить тебе вред, однако, ты до сих пор цела и невредима. Не хочешь делить со мной комнату, пожалуйста.

– Нет, подожди! Не надо! Там же посуда! – завопила я,

когда он поднял последний мешок, помеченный красной завязкой, и собрался швырнуть и его тоже.

Он молча сунул мне жалобно брякнувший мешок в руки и выставил за порог. За моей спиной оглушительно хлопнула дверь.

Я рванулась в кухню, глотая слезы. Дверь в его комнату снова открылась и в меня полетели сначала одеяла, затем шкуры. Последней вылетела подушка, шлепнувшись мне об колени.

Я лежала в кухне на самодельном лежаке из шкур и одеял. Слез больше не осталось, а сон так и не пришел. Ветер гнал по небу рваные облака, не способные закрыть полную луну, истекающую молочно белым светом прямо в мое окно.

Я злилась.

Я обижалась.

Мысленно, я обрушила на Риагана все ругательства, которые я знала. Мой запас ругательных слов был очень скудный и ругательства получались какие-то нелепые. Не страшные какие-то и недостаточно обидные. Хорошие девочки не ругаются. Так учили меня брат и Микан. Я горько усмехнулась. Лучше бы они не делали такой упор на мое воспитание. Я даже душу не могла нормально отвести, как следует выругавшись. Не позволял внутренний запрет.

Внутренний голос несмело шептал мне из глубины моих полных обиды и злости мыслей, что я, кажется, обидела Риагана. Он разозлился. Зря я сказала то, что сказала.

Нет! Не зря. Я сказала то, что должна была. Какого доверия к себе он теперь хочет? Почему я должна думать о нем хорошо и доверять ему? Нет! Я не буду просить прощения за свои слова! В этой ситуации я была права. Я не виновата. Нет, я не чувствовала подвоха, когда он звал меня с собой! А то, что я колебалась, так ведь все девушки колеблются, принимая такие судьбоносные решения. Я рассказала Риагану все о своей ситуации. Он все знал. И он схитрил, зная, насколько мне необходимо уехать. Он воспользовался моими трудностями, чтоб добиться своих целей. Слезы снова покапались по щекам. Я повернулась спиной к луне, нагло заливающей комнату светом, и свернулась калачиком.

Почему так?

Почему я не могу найти себе места?

Микан от меня отказался. Он смотрит только на свою Медведицу, а от меня отгородился стеной фальшивого радушия. Не осталось тепла или нежности в его взгляде на меня. Только чувство неловкости. Я же видела.

Брат легко отдал меня чужому мужчине. Ему настолько хотелось поскорее вернуться к жене и сыну, что он без сожаления отпустил меня в неизвестность.

Риагану все равно. Он думает только о своих интересах, а не о том, что лучше для меня.

И этот дом тоже не для меня.

Я зарылась лицом в одеяло. Лучше уж молча страдать среди родных людей, чем тут одной. Нужно сделать все, что от

меня зависит, чтоб вернуться в Ару-Кечи.

Проснулась я утром невыспавшаяся, злая и полная решимости действовать. Риагана в доме не обнаружилось. И слава богам! У меня еще будет возможность поругаться с ним попозже. А сначала нужно привести себя в порядок.

Умывальника ни в доме, ни за его пределами не обнаружилось. В кухонной мойке воды не оказалось, как и ведра в непосредственной близости, в котором можно было бы ее принести. О моечной можно только мечтать.

Я вспомнила, что вчера видела какую-то кадушку в комнатке с хламом. Нужно посмотреть. Если не прогнили доски, то вполне сгодится.

Кадушка оказалась целой. Я приладила к ее ушкам найденную тут же веревку, соорудив ручку. Отлично. Теперь нужно разведать, где ее почистить и набрать воды.

Я толкнула наружную дверь и выглянула во двор. Майское солнце уже растопило ночной холод и во всю грело, выпаривая с травы утреннюю росу. Исполинские кряжистые горы утыкали свои вершины в безупречно-голубое небо.

Дом Риагана притулился почти в самом низу длинного горного спуска. Всего в полусотне шагов вниз по склону шумела река, почти полностью спрятавшаяся между деревьев. Вот туда мне и надо. Заодно и умоюсь.

Не понимаю я, как можно любить плескаться в холодной воде. Я всегда с содроганием смотрела на купания в ледяной

воде моего малолетнего племянника. Как и жена Микана – Медведица. Та даже моется всегда в реке. В родном клане я всегда мылась в мочной. Сначала так замечательно посидеть в парной. Погреться. Можно намазать кожу медом или протереть отваром трав, и после парной она становится шелковистой. А потом горячая вода и ароматное мыло... Красота.

За отсутствием парной пришлось выбирать: мыться в реке или носить на себе дальше пыль недельного перехода через горы. Деревянную кадушку на печь не поставишь и воды не согреешь. Другой посуды, подходящей под эту цель в доме тоже не нашлось. Я спряталась за большой камень, стянула с себя платье и принялась мыться. От холода перехватывало дыхание. В ледяной воде мыло плохо мылилось и отказывалось вымываться из волос. Когда я закончила с мытьем, меня уже колотил озноб, а пальцы рук окоченели от холода. Не говорите мне, что купаться в горной реке – это полезно и приятно. Не верю.

Чтоб как-то согреться, я принялась яростно тереть кадушку песком. С волос на платье капала вода. Ворот промок и охлаждал кожу, ступни стыли, в то время, как спину уже крепко пригревало набирающее силу солнце.

Я, наконец, черпнула в достаточно чистую на мой взгляд кадушку воды и пошла к дому.

У порога меня ждал злой, как тысяча троллей, Риаган. Он

стоял возле двери, скрестив руки на груди и вполне осязаемо «кипел» яростью.

– Где ты была? – ему стоило труда сохранять спокойную интонацию в голосе. Вот оно что! Он меня потерял. Решил, что я могла сбежать? Я вдруг почувствовала, что мне нравится его злить. Правильно. Пусть тоже понервничает.

– У реки. Ты же не принес воды в дом. Пришлось мне.

– Никогда не выходи из дома, не предупредив меня!

– В туалет тоже нельзя выходить без твоего ведома?

– Не перевирай смысл!

– А я не перевираю! Это ты у нас по этой части мастер.

– Если ты еще раз уйдешь без предупреждения, я тебя здесь запру!

– Что? Да как ты... Ты мне вообще кто?

– Я тот, кто отвечает за тебя перед твоим кланом! Я тот, за кем ты пошла добровольно!

Как мило. Напомнил мне о моей ошибке. Я слушала нарастающие интонации в его голосе и силилась не сорваться в крик в ответ.

– Нравится тебе или нет, ты будешь мне подчиняться!

– А если не буду? Что ты сделаешь? Вернешь меня брату? О, сделай милость!

– Это не твоя родная деревня! – рявкнул Риаган. – Приди в себя и оглянись! Здесь нет магического щита, отворотных заклинаний и барьеров!

Я прекрасно понимала все это и сама. И рисковать бес-

смысленно не собиралась. Но перестать с ним спорить уже не могла. Никто не обманывал меня так, как Риаган. Никто не разговаривал со мной так грубо и жестко, как Риаган. Что-то внутри меня сопротивлялось и бунтовало. Голос разума тонул в эмоциях. В обиде, в злости, в протесте. Что-то подталкивало меня. Заставляло противостоять ему. Перечить. Оставить последнее слово за собой. Или последний жест...

– Ты меня пропустишь? – я подошла намеренно очень близко и поставила кадучку с водой прямо перед собой. От движения добрая пригоршня воды выплеснулась, окатив ноги Риагана. Я выпрямилась, уткнула руки в бока и настырно вперилась взглядом в лицо мужчины. Оно было так близко. В его взгляде ярость плавилась вместе со злостью и растворялась в расплавленной меди его глаз. Ух, мне бы такие ресницы! Гнев делал его дыхание рваным. Широкая грудь Риагана вздымалась, как кузнечные мехи. Бешено билась под загорелой кожи шеи жилка. Я всем телом чувствовала жар его эмоций. Мы замерли друг напротив друга, каждый не желая уступить.

Риаган смотрел на меня в ответ с полмгновения. Затем он нагнулся, поднял кадучку с земли, занес надо мной и вылил воду прямо мне на голову.

Я хватала воздух ртом, как пойманная рыба чувствуя как оглушает на мгновение вода, как быстро облепляет тело намокшая ткань платья. Вскрикнуть не хватило дыхания. Мокрые пряди волос прилипли к лицу.

Риаган так же медленно вернул кадушку на место, с которого ее взял.

– На столе в кухне лежит рыба. Приготовь, пожалуйста, завтрак, – удивительно спокойным голосом изрек наглец и пошел куда-то за дом.

Я, наконец, выдохнула и отерла лицо ладонями. Чувства спутались так же, как и мои второй раз намокшие волосы, образовав подобие мокрого вороньего гнезда. Злость схлынула, оставив после себя мутные эмоции.

Он окатил меня водой!

Я отжала волосы и пошла в дом, оставляя за собой дорожку капель на полу. Хотелось скорее переодеться в сухое, вытереть волосы и как-то разгладить растрепанные мысли.

А мысли разглаживаться не хотели. Глядя в окно кухни я видела Риагана. Он сидел спиной к дому и разбирал рыболовные снасти.

Он окатил меня водой!!! Часть меня хотела выпрыгнуть прямо в окно и вцепиться ему в лицо. Внутренний голос твердил мне, что я сама напросилась. Не стоило начинать эту ссору. Ведь на пустом месте она вышла. Но злобная змея внутри меня шипела, что первым начал именно он. Он, а не я! И пусть не ждет теперь, что я остановлюсь или передумаю. Змеюка подсовывала мне образы, как должно быть выглядела вся эта сцена со стороны. Мы двое злющие до белого каления, и этот поступок Риагана... Я буквально видела в своем воображении, как течет по мне вода, прилизывая ед-

ва подсохшие волосы. Змеюка шипела, что это было унижительно. А рассудок призывал не брать в голову. Никто этого не видел.

«Как «никто»? Риаган видел!» – распиналась ядовитая гадина.

«Ну и что. Кому он расскажет? Сделай выводы и забудь об этом нелепом происшествии!» – увещевал разум.

«Не забуду...» – упиралась обида.

На столе и в правду лежали пять серебристых рыбин с темно-серыми полосками на блестящих боках. Змеюка внутри меня радостно раздула капюшон. Завтракать хочешь? Будет тебе завтрак!

Спустя час я гордо поставила перед Риаганом на стол запеченные до черноты пять длинненьких уголочков.

– Это что? – Риаган потыкал ножом черную корочку.

– Завтрак, – с видом простой наивности ответила я.

– Издеваешься?! Я все утро стоял над рекой с удочкой!

– А что я могу?! – я пожала плечами, виновато разведя руками. – Не умею я готовить!

– Не прикидывайся. На Совете ты готовила для своих. Я видел! Никто из них не умер после твоей стряпни!

– Тогда мне помогали другие девушки. Тебе надо было обдурить всех троих, чтоб получить нормальные завтраки, обеды и ужины! А со мной осечка вышла, – я покаянно сцепила руки перед собой, обхватив пальцами одной запястье другой.

Риаган встал и отодвинул от себя тарелку со злосчастливым завтраком.

– Жаль, что ты настолько не уважаешь чужие усилия, лишь бы насолить мне. Кушай сама.

Он ушел, а я устало опустилась на стул. Вроде бы и победила, а праздновать что-то не хочется. Угольные рыбки с неммым упреком вытянули в мою сторону подгоревшие головы. Риаган прав. Я забыла об уважении к чужому труду. Ради мести я пренебрегла одним из важнейших принципов Горных Охотников – бережно относиться к пище.

Оставшуюся часть дня Риаган со мной не разговаривал. Он дважды заходил в дом. Первый раз, чтоб свалить в углу кухни возле печи большую охапку дров. Во второй раз он принес воды в той самой кадучке. Есть хотелось сильно. Я вычистила печь и прибрала следы своего издевательства над рыбой. Зря я это затеяла. Лишила нас обоих завтрака. Это было глупо. Я признавала. Больше такого не повторится. Никаких шуток или баловства с едой. Не правильно это.

Чтоб как-то отвлечься от урчания в животе, я принялась разбирать свои вещи в тюках. Некоторые отсырели и требовали сушки. Добравшись до тюка с посудой и хозяйственными принадлежностями, я неожиданно обнаружила там небольшой мешочек с сушеными яблочными дольками. Я развязала тесемки, вдохнула сладковатый яблочный аромат и улыбнулась. Найрани положила его мне на память о

ней.

Моя подруга – редкий маг. Их называют древотворцами. Она может ускорять рост растений. В нашей деревне она даже смогла вырастить пару яблочных деревьев. У нас каменистая почва. Плодовые деревья почти не вырастают. А Найрани вырастила. И теперь в моем мешочке источали умопомрачительный аромат длинненькие тоненькие золотисто-желтые сморщенные дольки.

Я с неким благоговением запустила руку в мешочек и сунула в рот пару кусочков. Вкусно. Аромат и вкус уюта для меня всегда будет вот таким. Я неторопливо отправляла в рот дольку за долькой и смотрела в окно. Там деловито хозяйничал Риаган. Он полдня носил откуда-то толстые палки и теперь раскладывал их по длине и толщине и еще по каким-то одному ему ведомым признакам.

Он ведь тоже голодным работает. Я взяла тарелку и отсыпала яблочных долек для Ригана.

Он явно собирается что-то строить или мастерить. Интересно, что это будет? Риаган поднимал толстые палки, делал на них какие-то насечки, где-то обстругивал ножом, где-то отпиливал, обравнивал. Блестела от пота загорелая голая спина. Рукава рубахи, повязанной вокруг головы, свисали ему между лопатками. Нужно признать, работает он споро. С ножом и пилой управляется ловко.

Я припрятала мешочек с яблоками и принялась за очередные мешки с вещами. Тюки скоро закончились и разби-

рать стало нечего. Работа закончилась, а силы и запал – нет. Я стала перебирать дрова, принесенные Риаганом. Сдвинув поддон, на котором были сложены старые поленья, я обнаружила закрытую крышку люка с вделанным в нее кольцом. Неужели это то, что я думаю? Я с осязаемым усилием потянула крышку за кольцо и она поддалась, открыв моему взору прямоугольный черный провал.

Погреб! Я нашла погреб! Я опустилась на колени и заглянула внутрь. Хорошая глубина. Плесенью не пахнет. Замечательно. На дне белели какие-то мешки. Интересно, что в них. Нужно посмотреть. К стене погреба была приставлена лесенка. Я смогу спуститься. Но сначала нужно раздобыть свечу. А ее я видела в комнате Риагана.

Я глянула в окно. Риаган по прежнему занимался своим делом. Успею. Не застанет. Я мышкой шмыгнула в коридор. Толкнув дверь в его комнату, я замерла на пороге. Я ожидала увидеть обычную мужскую комнату. Брошенные небрежно вещи на стул, смятую постель. Когда мой брат был еще холостяком, я ходила к нему в комнату прибираться. Айгир, конечно, не неряха, но в сравнении с этой комнатой, дом моего брата выглядел бардаком. Кровать была аккуратно застелена. Вещи Риагана, которые еще вчера лежали в тюках теперь были разложены аккуратными стопками в низеньком шкафу без дверок. На полу лежала тканая дорожка. Старенькая, но чистая. Комната была аккуратно прибрана. А он, оказывается, чистюля.

Я шагнула в комнату. Нужная мне свеча стояла на низком столике у изголовья кровати. Рядом нашлось и огниво. Я быстро стянула и повернула обратно. На спинке стула висела кожаная куртка Риагана, в которой он ездил на Совет. Сама не знаю почему, я остановилась рядом с ней. Моя рука непроизвольно потянулась к рыжеватой коже, тронула воротник, прикоснулась к верхней пуговке. Приятно было ехать впереди него на ящере. Сидеть в кольце чьих-то рук и чувствовать, что тебя поддерживают. Жаль, что все так обернулось. Я вздохнула.

Итак, погреб! Я зажгла свечу и аккуратно спустилась вниз. Беглый осмотр показал, что погреб добротный. Сухой, глубокий. Два из трех мешков, хранившихся здесь, оказались наполнены мукой. В третьем была крупа. У нас есть мука! И пшено! За мешками нашелся небольшой котелок, мешок поменьше с солью и, о чудо, стеклянная бутылка с подсолнечным маслом.

Если бы месяц назад кто-то мне сказал, что я буду так радоваться наличию соли и муки, я бы не поверила. А теперь... Это же можно мясо засолить. Или суп сварить. Жалко, что картошки нет. Зато можно сделать лапшу. И пироги. С мясом или с рыбой. Ведь Риаган будет ходить на охоту. Эх, была бы у нас пара несушек... Яйца бы не помешали.

Но могу ли я взять продукты из мешков. Вдруг Риаган рассердится. Надо бы спросить. Я вылезла из погреба и выглянула в окно. Охотника не было видно. Я вышла во двор,

обошла дом и не нашла его. Наверное, за палками опять пошел. Я вернулась в дом.

Поколебавшись еще немного я решила. Возьму пару пригоршней муки. Не так много. Риагана нет. Если он ушел надолго, то придется сидеть голодом неизвестно сколько. А если рассердится, будет дураком. Ведь не только для себя беру.

Я набрала муки, прихватила чуть-чуть соли и вытащила из погреба котелок. Пригодится. Спустя некоторое время в печи пеклись круглые пресные лепешки. Первая партия их уже остывала на столе, прикрытая полотенцем из моих вещей. Свежесваренный компот из сушеных яблочек томился на шестке печки. Жаль, нет сахара. По кухне плыл умопомрачительный запах горячего хлеба.

Хлопнула входная дверь и на кухню заглянул Риаган. Он изумленно потянул носом воздух и неверяще уставился на меня. Я еле сдерживала улыбку. Если бы нужно было повторить нашу последнюю ссору ради этого выражения на его лице, я бы это сделала не задумываясь.

– Это что? Хлеб?! А-а-а, чего вдруг?

– Я извиниться хотела... За рыбу... Я продукты в погребе нашла. Ты же не станешь злиться?

– Нет... А в чем подвох? Я после этого хлеба не покроюсь бородавками, не окосею? Или... Какие там напасти насылают колдуньи на проклятых ими...

– Не хочешь, не ешь, – я уже не могла сдерживать смешок. – Я колдовать не умею. Садись.

– А ты?

– Я уже ела.

Риаган уселся за стол и запустил руку под полотенце. Он отрывал от лепешки еще дымящиеся куски и с наслаждением жевал, запивая компотом. Я смотрела, как он ест и чувствовала себя странно спокойно. Как тогда на Совете в палатке.

Я надеялась, что лепешек хватит на утро, но Риаган съел их все. Да, и компота почти не осталось.

С тех пор, как женился Микан, я уже стала забывать, как приятно готовить для кого-то. Брат ел у себя дома, Микан терпеливо поглощал результаты кулинарных попыток не умеющей готовить жены. Что ж. Сам выбрал... Я отогнала от себя мысли о Микане. Не хотелось снова крутиться в этом. Не сейчас.

Сейчас хотелось сидеть на теплой пахнущей хлебом и яблоками кухне. Хотелось попить неторопливо компот, обхватив ладонями пузатые бока моей любимой кружки. Было даже по-своему уютно. Вот бы еще чай был...

– Риаган, – набравшись смелости попросить позвала я.

– М-м-м? – он поднял на меня взгляд, дожевывая краюшку последней лепешки.

– А здесь растут какие-нибудь травы, чтоб чай заваривать? Я бы хотела набрать.

– Растут. Только одна не ходи. Завтра или послезавтра я закончу работу и свожу тебя.

– Хорошо. А что ты строишь? – второй вопрос дался уже легче первого.

– Загон.

– Загон? Для кого?

– Хочу обзавестись козой, – он откинулся на спинку стула, закинув руки себе за голову, и вытянул ноги.

Я обрадовалась. Коза – это хорошо. Молоко будет! А из него и творог, и сыр... Я тут же принялась планировать, как буду делать творог и сыр. Неплохо бы еще масло сделать, но нет маслобойки. Размечталась... Козы тоже еще нет.

– А где ты возьмешь козу?

– Поймаю. Они здесь иногда бегают по поляне.

– Как ты собираешься ее ловить?

– Увидишь. Ты мне поможешь. Тебе же хочется молока?

Молока хотелось. Очень. Я даже готова была ему помочь в строительстве загона, если это ускорит дело. Но строить и пилить я не умела. Как, в прочем, и ловить коз. Ни разу этого не делала. В нашей деревне держали коров и быка. Они плодились самостоятельно. Коз держало семейство Главы клана. И у них тоже не было проблем с приплодом. Ловить никого не приходилось.

– Испечешь завтра еще таких лепешек?

– Испеку. А почему ты спрашиваешь?

– Это ведь было в качестве извинения. Больше извиняться пока не за что. Я должен буду тебе что-то?

– Отвези меня домой! – с надеждой выпалила я.

– Обойдусь без лепешек, – нахмурился Риаган.

Я сникла. Уютность момента рассеялась как брызги от мыльного пузыря. В комнате повисла напряженная тишина.

Я медленно шарила взглядом по комнате, не зная, чем заполнить пустоту. Найти тему для разговора? Говорить расхотелось, но я попыталась.

– Хорошая печь. А кто ее делал?

– Не знаю, – коротко сказал он и снова замолчал.

И тут я вспомнила его слова. Он сказал накануне, что нашел этот дом только осенью. Значит, дом был брошен. Это объясняло его запущенное состояние. Но Риаган начал его восстанавливать. Кровля свежо перекрыта и дверь новая. Хороший он, наверное, хозяин. Умеет многое. Дом правит, загон строит... Выжил же один. И дом ремонтирует, старается.

Моя внутренняя змея шевельнула хвостом, напоминая о себе.

«Не обольщайся на его счет. Он еще осенью задумал облапошить на Совете какую-нибудь дурочку. Потому и устроил тут такую бурную деятельность.»

Хорошее настроение бойко укатилось куда-то как выпавшая из кошелька монетка.

Следующие два дня Риаган мастерил загон. Вкапывал столбы, приколачивал к ним палки. Он сказал, что к зиме поставит основательный хлев, чтоб животные могли прези-

мовать. Он всерьез надеется, что я останусь с ним до зимы.

Рассказывая о своих планах, Риаган все время говорил «Мы, для нас, у нас». Меня это угнетало. Не сходилась у меня картинка нашей жизни, нарисованная Риаганом, с моими собственными представлениями о семье и о быте. Жить нужно в клане. С другими людьми. Чтоб рядом были родные люди, друзья. Чтоб было к кому обратиться в случае несчастья. Здесь же – глухое место. Если завтра нас сожрет голодная пума, никто и не узнает. Никто не поможет. Это пугало больше всего. Полная оторванность от всего. Моя деревня укрыта магическим щитом. Ни один негодяй не пройдет сквозь него. Диких зверей щит пропускает, но они сторонятся скопления людей и никогда не приближаются к домам. Здесь нет ни щита, ни даже забора.

Я благоразумно сидела в доме. Дело даже не в том, что я решила подчиниться Риагану. Просто боялась отходить далеко, и потому мое перемещение ограничивалось между домом, туалетом и наиболее близким к дому участком реки. Как собака на привязи.

Второе утро подряд я находила на столе в кухне цветы, полную кадучку чистой воды и уже знакомых мне серебристо-полосатых рыбок. Риаган старался понравиться. Он сдержал свое обещание и сводил меня за травами для чая. Я бродила по горным склонам полдня. Риаган повсюду таскался рядом. Он пытался вовлечь меня в разговор. Не выходило. Разговаривать совсем не хотелось. Не то настроение.

Я отвечала односложно. Мысли витали где-то далеко. Тогда Риаган стал рассказывать байки и всякие смешные истории. Я набирала травы и слушала Риагана, сама не замечая, как включилась в эти истории. Вернулись к домику мы разговаривая почти так же легко, как в ту ночь на Совете. Вот только на задворках сознания терлась длинным скользким телом змеюки мысль о том, что именно благодаря этой способности Риагана красиво говорить и уговаривать, я сейчас торчу здесь.

Сама повелась. Дура.

Я маялась от скуки. Чтоб занять чем-то руки я принялась разбирать хлам в третьей комнате в надежде найти там что-то пригодное для использования в хозяйстве. Так я разжи-лась кучей ветоши для тряпок, двумя кусками простого ко-ричневого мыла, зеркальцем без ручки, прялкой со сломан-ной осью маховика, веретеном, двумя щетками для чесания кудели, топором без ручки, почти лысым веником, большим металлическим тазом со слегка погнутыми боками, двумя шторками, требующими небольшой штопки, тремя ящика-ми без крышек, сундуком, открыть который у меня не вы-шло, и детской подвесной колыбелью. Неужели здесь рань-ше жила семья с детьми? Да уж, то еще богатство... На ули-цу к Риагану отправились обломки старой мебели, куски до-сок, непригодная на тряпки ветошь, битая посуда, заржавев-ший слегка плуг, какие-то непонятные мне гнутые железки и мешок с какой-то сушеной травой, определить которую я

не смогла, потому что она рассыпалась в пыль и пахла только пылью. Весь мусор был свален за домом, чтоб Риаган тоже посмотрел, не пригодится ли что-то в работе. Обломки мебели сгодятся на растопку. Траву мы вынесли подальше и вытряхнули в рощице. А рваные тряпки сожгли в печи. Слишком ветхие и ни на что не годятся. Плуг Риаган ни за что выбрасывать не захотел. Как и железки.

– Зачем нам плуг?

– На следующий год я хочу распахать один из соседних склонов.

– Зачем?

– Хлеб посадим, – у Риагана даже глаза горели, когда он начал рассказывать мне свой план. Он показывал пальцем, как он заведет пашню и какое зерно посеет.

– А зачем сеять? Мы муку покупаем на Великой Равнине.

– Сколько идти до ближайшего города из вашей деревни?

– Десять дней.

– А отсюда – почти месяц в одну сторону, и столько же обратно. Представляешь? Проще сходить один раз и купить зерно для посева, чем таскаться на равнину каждый год, торя два месяца в переходе.

– А как же остальные продукты?

– Картошку тоже можно растить здесь. Обзаведемся всем необходимым постепенно. А все остальное, что мы не сможем делать сами, будем закупать или обменивать на Большом Совете.

– То есть, раз в три года? – я приуныла.

– Ну, или договоримся с твоим кланом.

Риаган решил сделаться отшельником окончательно. Он не говорил ни слова о том, чтоб попытаться наладить отношения с кланом. Он планировал, как он все замечательно устроит здесь – на краю неизвестности. Нет! Я не хочу так! Пусть заводит свою пашню без меня!

Я повернулась и пошла в дом.

– Яра, ты куда? – окрикнул Риаган. Я молча зашла за угол. – Яра!

Он догнал меня почти у самой двери.

– Яра! – Он поймал меня за руку и потянул обратно. Я опустила голову. На глаза навернулись слезы. Я прикусила губу, стараясь не расплакаться.

– Эй! Что с тобой? – он приподнял мое лицо за подбородок, чтоб заглянуть мне в глаза и я не выдержала. Я заплакала.

– Ну что же ты? Чего плачешь?

– Я так не могу! Посмотри вокруг! Я не могу представить себе жизнь здесь. Одни. Вдали от всех.

– Яра, лисичка моя солнечная, – он ласково отирал большими пальцами слезы с моих щек. – Все будет хорошо! Мы все сможем. Ты только подумай! Мы все сделаем так, как хотим именно мы. Устроим все по-своему. Распланируем дом, украсим его, как захотим.

Ладони Риагана были теплые и шершавые. Голос низко

журчал в его груди где-то прямо напротив. Очень близко. Он гладил меня по волосам, говорил что-то ласковое, а я плакала. С каждым его нежным словом на сердце, почему-то становилось все тяжелее. Потому что часть меня ему верила и нежилась в его руках озябшей синицей на весеннем солнышке. А другая – протестовала, отрицала все это. Потому что страшно. Потому что одиноко.

– Отвези меня домой, Риаган. Пожалуйста. Неужели ты не видишь, у нас с тобой ничего не выйдет.

– Выйдет, если ты вступишь это в свою жизнь. Выбери меня теперь. По-настоящему. Я клянусь тебе, ты никогда не пожалеешь, что пошла со мной тогда, на Совете. Я сделаю все, чтоб ты была счастлива.

– Верни меня домой. Ты выбрал меня, потому что я просто вовремя подвернулась тебе под руку. Ты ошибся. У тебя еще будет шанс найти ту самую...

Он неожиданно отпустил меня. Без его пальцев теребящих мои волосы стало как-то не по себе.

– Почему ты думаешь, что я не мог выбрать тебя потому, что сам так захотел?

Я помолчала немного, подбирая слова.

– Потому что твой статус изгоя очень затрудняет тебе жизнь. Я понимаю, ты боялся упустить свой шанс на семью...

– Я – изгой, но это не значит, что я буду подбирать первое, что попадется мне на пути.

Входная дверь дома со скрипом закрылась за Риаганом, а я осталась стоять, там где стояла, растерянная и смущенная.

Я заканчивала уборку в освобожденной от хлама комнате. Работа почти не помогала отвлечься от мыслей. Вычистить пол, вымести, вымыть окна. Вычистить свои намерения, вымести сомнение, вымыть чувства до полной ясности. В моей голове шла борьба. Я не понимала, почему у меня все еще остается симпатия к Риагану. Он меня обманул. Он притащил меня сюда и не собирался отпускать. Собственные ожидания для него важнее, чем мои страдания. Так почему же я продолжаю проваливаться в эти мгновения единения, находясь рядом с ним? Это ловушка какая-то? Кто его знает? Он мастер красиво говорить.

Почему я злюсь на него, но все равно поддаюсь его болтовне? Замкнутый круг. Я злюсь, отвлекаюсь на то, что он говорит, а потом злюсь на на себя за то, что отвлеклась. Фу, ерунда какая-то. Почему мне нравится выводить его из себя, а когда он теряет терпения, мне хочется извиниться? Ответов не было. Зато мелькали в памяти обрывки наших разговоров и ссор. Чувства между нами скакали от почти нежного единения ласкового радужного дождика с жарким солнышком до полного столкновения грозовых облаков со всеми вытекающими отсюда последствиями. Гром, молнии и шквалистый ветер.

А это его «лисичка моя солнечная»... Зачем он так?!! До

сих пор мурашки по позвоночнику бегут, когда вспоминаю. И приятно, и не верится. А вдруг он это не серьезно? Что если это очередная уловка? Кажется, что он все, что угодно готов сказать, лишь бы убедить в своем.

Болтун и выпендрожник. Вот он кто!

Снова подкатывала обида горькими волнами. «Выбери меня снова». Именно теперь, когда правда о нем свалилась на меня как снежный ком за шиворот, он предлагает повторить.

К вечеру комната сияла чистотой, насколько это было возможно. Намытые до скрипа оконные стекла теперь пропускали достаточно света. Окно теперь уютно обрамляли свежевystиранные и заштопанные шторы, которые я приладила на натянутую между двумя гвоздями тоненькую веревку. Я собиралась обосноваться здесь. Все таки, удобнее, чем на кухне. В комнате остался только закрытый сундук, который я не без усилия сдвинула в угол, и подвесная колыбель, которую я выставила на улицу, а Риаган почти тут же притащил обратно. Как только он ушел, я перенесла ее в его комнату. Нравится ему, пусть хранит у себя.

Затем я перенесла в комнату свой лежак и вещи. Один из ящичков я приспособила под прикроватный столик, перевернув его вверх дном и накрыв вышитым полотенцем. Спасибо за него Найрани. На столике разместились зеркальце и свеча в старенькой фарфоровой чашке, которую я пожалела выбрасывать. Очень уж красивый цветочный узор вился по

чуть сколотой кромке. Комната приобрела не самый уютный, но жилой вид.

Тем временем Риаган уже закончил работу с оградой загона и теперь мастерил в центре навес, чтоб козе было где спрятаться от дождя и солнца. Четыре столба поддерживали прямоугольную в плане двускатную крышу. Риаган так же смастерил настил из палок и веток. На навес ушло еще два дня. Под поилку Риаган приспособил найденный мною гнутый таз. Все было готово.

Мы каждый день видели этих отважных животных то падающими высоко на склонах, то бредущими по нижней оконечности нашей поляны к водопою. Именно возле водопоя и заседал Риаган в засаде целыми днями. Ждал, когда стадо коз подойдет ближе. Ему повезло на третий день дежурств.

Я сидела на пороге дома и вязала высохшие травы в пучки, когда с реки донеслось испуганное блеяние. Сравнительно небольшое стадо завертелось на месте. Над невысокими серовато-рыжими спинами возвышался ящер Риагана, хозяйничающий в самом центре стада. Козы атаковали ящера рогами, метясь в более мягкое подбрюшье. Ящер запрокинул голову и издал громоподобный рык. Я вскочила, испугавшись по-настоящему. Если ящера ранили достаточно серьезно, то Риаган останется один в середине разъяренного стада.

Но стадо в панике рвануло вверх по склону. Риаган вы-

брался из рогато-копытной каши и направился ко мне. Козы коротко перекликались где-то за склоном нашей горы.

Ящер растворился в воздухе и я поняла, что Риаган держит под мышками двоих маленьких козлят.

– Зачем они нам? – я подошла к Риагану, который привязывал козлят к опоре навеса загоне. – Они же маленькие. Их самих еще выкармливать молоком нужно!

– Не нужно. И они нам не нужны. Нам нужна та, кто придет за ними. – Риаган открыл пошире ворота загона. – Идем в дом. Оставим их одних.

Риаган завел меня в дом и мы приникли лбами к маленькому оконцу в сенцах.

– Давайте, детки, зовите мамочку! – шепнул Риаган, пристально вглядываясь в пространство перед загонем.

– Что? Зачем так-то? – я дернулась было на улицу, но Риаган меня удержал.

– Нет! Не ходи! – зашипел он шепотом. Я рванулась. Он вывел меня из сеней в межкомнатный коридорчик. – Иди в дом. Быстро! И не смей выходить, пока не позову!

Дверь за мной закрылась, а я побежала к окну в кухне.

Козлята испуганно толклись в загоне. Они прижимались друг к другу пушистыми бочками и жалобно блеяли. Время шло мучительно медленно. Козлята звали свою мать, а она все не приходила. Вдруг она не сможет их найти. Если попросту не услышит. И забудет про них. Что с ними будет? Ясно, как день. Выкормить их мы не сможем. Нечем. Они

молочные еще. Мы вынуждены будем заколоть их или попытаться вернуть в стадо. А где его теперь искать – это стадо? Они в панике дали стрекача.

Я нервозно топталась у окна. Не могла ничего делать. Все из рук валилось. Малышей было жаль до слез.

Их мама объявилась только к вечеру. К тому времени козлята плакали уже несколько часов. Коза остановилась на краю поляны и позвала детенышей. Они отозвались почти хором. Некоторое время они переговаривались, пока коза не решалась подойти ближе. Прямо за ней прятался еще один козленок. Шаг за шагом она продвигалась к загону. Вот она поравнялась с воротами и всунула в проем рогатую голову. Последнее зовущее «Бе-е-е-е-е» и коза вошла внутрь. Третий козленок семенил маленькими ножками рядом с ней. Мамаша остановилась около детенышей, обнюхала их и пожевала веревку.

В этот момент из дома выскочил Риаган. Коза не успела понять, в чем подвох, а ворота загона уже закрылись.

Коза бросилась к воротам и толкнулась в них рогами. Она искала выход. Она бегала по кругу, прыгала на забор. Хотела перепрыгнуть и не могла. Рядом с ней метался третий козленок и я очень боялась, что она нечаянно покалечит его в порыве отчаяния.

Риаган был доволен. Он стоял перед загонем, скрестив руки на груди. Я решительно толкнула дверь. Плевать на то, что он сказал мне не выходить, пока не позовет. Я выбежала

на улицу.

– Они же маленькие совсем! Зачем ты их взял? Были же взрослые!

– А ты знаешь, какие острые у них рога и копыта? Нам ведь нужно молоко, помнишь? Если поймать кормящую козу, что станет с осиротевшими козлятами на воле?

Я замолчала.

– Правильно, Яра. Они точно погибнут. А коза скорее всего потеряет молоко. Козлят поймать проще, а мать придет за ними сама.

– Так выходит, что ты им еще и одолжение делаешь, – зло сказала я.

– Ты где росла? В небесной люлечке, где все покрыто розовыми облачками? – голос Риагана гневно гудел прямо над мной. – Вокруг тебя только милые пушистые котятки?

– Это жестоко!

– Пожалей медведя, на шкуре которого ты сейчас спишь. Пожалей лена, из которого соткано твое платье. Пожалей и умрешь от голода и холода. Мы бережем природу и берем от нее не больше, чему нужно нам для выживания. Мы уважаем лесных созданий и не вредим им просто так. Эти козы получают защиту от хищников и теплое зимовье. Твой брат не ходил на охоту? Что же ты тогда кушала? В твоей деревне не держали коз?

– Держали! Но их не нужно было ловить. Они родились среди нас.

– Ты же не думаешь, что первые из ваших коз тоже родились среди людей? Очнись! От удачной охоты зависит выживание семьи охотника. Приходится иногда хитрить, чтоб не остаться без добычи.

– Как и в случае со мной. Я такая же добыча, как и они! – я сорвалась на крик. – Мне ты тоже предложил такую же защиту и зимовку! Так же обманом. У нас в клане так не делают.

– Хочешь сказать, что Микан твой так не делает? – его голос зазвенел сталью.

– Да. Микан никогда мне не врал. Даже в том, что я ему не нужна. Сказал честно.

– И что? Тебе сильно легче от этого? Да, я обманщик!!! – Риаган тоже кричал. – Я тебя обманул! И знаешь, что? Я жалею об этом каждое мгновение! Мне нужно было сделать по-другому! Нужно было признаться тебе во всем сразу и ехать за тобой следом к твоему клану, брать щит осадой, звать, просить твоего брата... Это было бы честно. Но все вышло так, как вышло. Я поддался порыву и ошибся! Ты наказываешь меня каждое мгновение. Ты вынимаешь мою душу каждый раз, когда смотришь на меня с раздражением и презрением. Думаешь он идеален? Думаешь твой Микан не пердит, не выпускает отрыжку и срет исключительно бабочками? Нет. Он тоже обычный мужик. И у него свои ошибки. Мужики вообще не похожи на радужных птичек. Мы иногда деремся, ругаемся, психуем, поддаемся слабостям, едим ру-

ками прямо из котла... И мы делаем ошибки. Я ошибся! И я всего лишь прошу тебя дать мне шанс все исправить и не искать во мне больше зла, чем есть на самом деле.

Он замолчал, тяжело переводя дыхание. Ждал от меня чего-то. Слов, действий? Может быть прощения? Я к этому была не готова. К чему говорить «прощаю», если на самом деле это не так. Все равно обида будет всплывать. Так что, нет. Я молчала, потому что не могла сказать ему то, чего он хотел услышать.

Я отошла к забору загона и сложила руки на верхнем его крае. Продолжать эту ссору расхотелось. Может я просто уже переполнилась ими. Никогда в жизни ни с кем я не ругалась так часто. Я наблюдала за козой, все еще нервно топчущейся в загоне, и старалась не замечать Ригана, хмурой тенью стоявшего за моей спиной. Я думала о том, как замечательно было бы сейчас оказаться одной хотя бы на день-два. Подумать. Привести мысли в порядок. Разобраться в себе, переосмыслить некоторые вещи.

Не дождавшись от меня никакого ответа, Риаган ушел к реке.

Я должна признать, что Риаган не так уж и не прав на мой счет. Я действительно ищу в нем зло. Я стараюсь увидеть недобрый умысел в каждом его шаге, в каждом движении. Это не значит, что зла в нем много. Просто мне так хочется, чтоб он был плохим. Тогда у меня не было бы к нему сочув-

ствия. Тогда я могла бы без угрызений совести выместить на нем всю свою обиду за прошлое, настоящее и будущее. Так же было и с Медведицей, женой Микана. Я записала ее в злодейки. Я ссорилась с ней, даже дралась. Я решилась даже на вредительство. Во мне тоже есть это зло. Я тогда пообещала себе, что не буду так больше делать. Что я никогда не причиню никому вред из-за своей обиды. Неужели здесь я делаю то же самое? Очень похоже. Я уже переступила черту с теми рыбками, которых я сожгла.

Стало противно. Нет. Я так не хочу. Мне вдруг показалось, что если я позволю сейчас себе думать и поступать так же, как тогда, я подпитаю это зло и оно станет моим окончательно.

Нужно каким-то образом перестать злиться. Это ведь не будет значить, что я простила. Это не обяжет меня упасть в объятия Риагана. И это не будет означать, что я сдалась. Но мне нужна передышка. Злость душит. Она отнимает силы, лишает возможности думать. Остается только ущемленное самолюбие и попранная гордость. А они плохие советчики. Так меня учили с детства. Только вот применять эти знания в настоящей жизни, оказывается, очень трудно. Трудно даже поймать себя на том, что это действительно происходит. Потому что в злость падаешь, как в грязный омут с оползшего обрыва. Вокруг все мутное, и не понятно, куда плыть. Потому что вместо четких действий получается какое-то жалкое барахтание, в результате которого грязная вода забивает нос,

а во рту привкус ила. Я себя сейчас именно так и ощущала. Если я научусь не злиться, может я увижу какой-то выход из этой ситуации.

Я свожу каждое действие и каждое слово Риагана к его обману. Наверное, нужно перестать отвечать на те его реплики, которые выводят меня из себя...

Но ведь, если я перестану говорить об этом, это не будет значить, что я перестала злиться. Это станет тлеть внутри, копиться и разгораться, пока не вырвется наружу. Как бы не стало еще хуже. Это мы уже тоже проходили.

Я не видела решения. Я понимала, что мне нужно сделать, но я не чувствовала, как это воплотить. На ум приходили только неподходящие возможные варианты действий. Результат любого из них был сомнителен. В любом случае итог был один: мы с Риаганом снова поссоримся. Или я решусь уйти в горы одна и погибну в каком-нибудь ущелье.

Может быть мне придется ждать, пока мимо этого места не пройдет какой-нибудь путник, который захочет взять меня в нагрузку. Вероятность этого очень мала. Кто еще захочет блуждать по этой местности? Ни одного клана на два дня пути вокруг. И я не была уверена, что рискну уйти отсюда с незнакомцем. Кто знает, куда он заведет... Один уже завел. По крайней мере, Риаган не имеет намерения причинить мне настоящее зло. Значит, придется договариваться с ним. Как это сделать, если в каждый наш разговор я или плачу, или ругаюсь, или шиплю? Каждый раз словно по неведомому мне

щелчку, я теряю способность трезво рассуждать.

Нужно стать хитрее. Как Найрани. Она ласковыми словами ненавязчиво из моего брата веревки вьет. И это из своего нравного, вспыльчивого Айгира, которого проще убить, чем уговорить или заставить что-то сделать. Видимо, это у нас семейное. Там, где не получалось у меня, Найрани парой улыбок и лаской добивалась от него всего, чего ей было нужно. Вот бы научиться так же! Опробовать бы этот способ на Риагане. Вдруг сработает.

Но сначала – отпустить злость. Не годится, чтоб при улыбке зубы скрипели от гнева. Это уже будет оскал, а не улыбка. На такое точно никто не поведется.

Я пыталась. Честно. И у меня получалось. Ну, почти всегда... Я останавливала себя, когда моя личная злобная змеюка начинала шипеть и плеваться ядом. Я научилась даже ловить момент ее пробуждения. И еще я поняла, что не все, что говорит и делает Риаган стоит принимать и на свой счет тоже. Обычно, когда он говорит, он просто говорит. Я заставляла себя бросить попытки найти другой смысл его слов. Я даже заучила для себя спасительную фразу: «Он сказал только то, что сказал». И это помогало. Змеюка все равно шевелила в моей душе своим хвостом, но уже не так явственно.

Несколько дней я боролась с собой. Я поняла, что змеюка – это часть меня. Какая-то важная и непонятная. И пока я не пойму ее, она не заткнется. Так и будет вылезать на свет каж-

дый раз во время самых разных ситуаций. Только вот, что это за часть, и почему она такая озлобленная, я сообразить не могла. Змеюка появилась в моей жизни не вместе с Риаганом. Гораздо раньше. С приходом в наш клан Сули-Медведицы. Получается, что в той ситуации и в этой есть что-то общее. Что-то похожее, что сталкивает меня в эту мстительно-подозрительную злость.

В один из дней у меня возникла идея. Бредовая, наверное. Если бы кто-нибудь знал, что я собираюсь поговорить с воображаемой ядовитой змеей, сидящей внутри меня, решил бы, что я спятила. Но я все же попыталась. Разговора не получалось. Может я говорю не так? Не те слова? В ответ она зло плюнула ядом, посоветовав мне лучше идти уговаривать Риагана. Это ведь он причина моих бед, а вовсе не она.

А может все таки она? Я задумалась. Кто она такая? Она – это тоже я. И смешно, и грустно. Я пытаюсь отключить часть себя, чтоб стать собой. Как это возможно? У меня было ощущение, что я раздваиваюсь. Чем сильнее я закрывала в себе змею, тем тоскливее становилось жить. Я выжимала из себя капли спокойствия, разговаривая с Риаганом в моменты близкие к ссоре. Злости стало меньше, но вот освободившееся место заменило нечто другое. И мне это нравилось еще меньше, чем моя подавленная змея.

Большую часть своего свободного времени я проводила возле загона с козами. Более доверчивые козлята уже не стес-

нялись подходить ко мне и брать бархатистыми губами с моих ладоней кусочки сушеных яблок. Коза держалась близко с ними, но в руки не давалась. Она уже не металась по загону. Я кидала лакомство ей под ноги и она подбирала его с земли. Скоро и она подойдет. Начнет есть с человеческих рук. Всего несколько дней и она уже почти смирилась с новым местом своего обитания и с забором вокруг него. Неужели и я так же смирюсь? Смогу? Нет, не хочу так! Нужно продолжать усилия. У меня уже получается не выплескивать свою злость и обиду. Риаган поглядывает на меня немного удивленно.

Когда количество наших ссор стало уменьшаться, у Риагана словно открылось новое дыхание. Он с удвоенной энергией занимался обустройством и ремонтом дома. Я в свою очередь частично от скуки, частично чтоб задобрить Риагана наводила в доме уют. Я старалась. Дом блестел чистотой, принесенная Риаганом с охоты или рыбалки добыча готовилась самым тщательным образом. Я даже поставила часть мяса вялиться. Оно уже вылежало трое суток в соли и теперь, обернутое в ткань, висело на веревках под застрехой с теневой стороны дома. А под коньком крыши сушились самые мелкие из улова рыбешки.

Риаган лучился радушием, упорством и трудолюбием. Я волей-неволей подпитывалась эго энергией. За прошедшую неделю с небольшим он переделал целую прорву работы. Он законопатил щели между венцами дома, разобрал половицы в сенцах, просушил их на солнце и положил пол на место и

начал заготавливать бревна для хлева и для моечной. При этом он еще успевал охотиться и рыбачить. Когда он доделает дворовые постройки, меня уже здесь не будет. Хотя мне и не придется пользоваться будущей моечной, я собрала возле реки камни для каменки. Мне было неловко от того, что его усилия пойдут в пустую. Он строил планы и упорно включал в них меня. К его чести, он ни разу не попрекнул меня моим прохладным отношением к его намерениям создать здесь семью именно со мной. Либо он был настолько уверен, что я передумаю, либо понимал мое состояние и опасался лишней раз давить на меня. Он радовался хрупкому перемирию между нами. Надо сказать, я тоже начала ему радоваться. Жить без ссор стало легче. По вечерам мы пили чай на травах и заедали его так полюбившимися Риагану лепешками. И разговаривали. Моя тоска и обида в эти моменты немного отступали и становилось почти уютно.

За вечерними чаепитиями я все искала подходящий момент заговорить с Риаганом о возвращении меня домой, но он никак не наступал. Или это я никак не могла выбрать подходящий момент, потому что была неуверена в том, что попытка не провалится и мы снова не соскользнем в открытую войну. А открытая ссора только раззадоривает Риагана и он становится еще упрямее.

И все же, я чувствовала себя идущей по тонкой грани между прошлым, здравым смыслом и своими чувствами. Что-то во мне менялось. Я чувствовала, что меня начинает

затягивать этот нехитрый быт. Отсутствие моечной не казалось больше пыткой. Я приноровилась мыться в кадучке. Даже к мытью в реке я стала относиться проще. Дни стояли необычайно жаркие для конца весны и холодная речная вода больше не было для меня кошмаром.

Риаган по моей просьбе выстругал мне из дерева вязальный крючок и я всего за полдня связала два небольших круглых коврика из наиболее приличной ветоши, порезанной на тонкие полоски. Получилось пестро и на удивление красиво. Риаган переставил кровать в мою комнату, а сам забрал мой лежак. Почти полное отсутствие мебели в моей комнате стало казаться удобным, сам дом уже не представлялся таким мрачным и заброшенным. Мы оба вкладывали в него усилия, хоть и по разным причинам, но все же вместе. И по вечерам обсуждали изменения в доме на равных. Риаган обещал, что придумает, как обезопасить дом от диких зверей.

Необходимость в этом встала остро очень скоро.

Ночью я проснулась от гомона на улице. Блеяли козы. Их испуганные крики то удалялись, то слышались ближе. Словно животные метались по загону в ужасе. Я вскочила с кровати и побежала к окну в кухне, из которого можно было увидеть загон. В коридоре я столкнулась с обеспокоенным Риаганом, на ходу застегивающим штаны.

– Что происходит? – спросила я. Риаган не успел ничего сказать. Откуда-то из-за холма послышался вой. – Волки? Это волки?

– Волки, – подтвердил мое предположение Риаган. – И это охотничий клич.

– Они, что охотятся на...

– На наших коз.

Риаган метнулся в свою комнату.

– Ты куда? – я побежала следом и столкнулась с ним в дверном проеме. Он обнажил свой длинный охотничий нож и отдал мне ножны.

– Подержи.

– Риаган?

– В этом загоне козы – легкая добыча. Их задерут. Будь в доме, – Риаган толкнул входную дверь и скользнул в темноту.

Волки перекликались уже с разных сторон поляны. И я догадалась – окружают. Я приникла к кухонному окну, стараясь разглядеть, что происходит снаружи.

Риаган подтянулся за верх ограда загона и в легком прыжке перелетел через нее. Крупные волки сжимали кольцо вокруг загона. Риаган вызвал ящера и ночь огласилась оглушительным ревом зверя, заявляющего права на свою территорию. Я и не знала, что ящеры охотников могут издавать такие. Низкий раскатистый звук, от которого в моем животе что-то потрясенно сжалось, прошел волной сквозь меня.

Волки отпрянули и замерли, принюхиваясь. Только их замешательство было недолгим. Ящер был настолько высоким, что волки рядом с ним казались щенками. Но хищников было пятеро и преимущество противника в размерах их не осо-

бенно пугало. Я видела, как они заходили вокруг забора, перекликаясь. Они решали, стоит ли возможная добыча в виде трех козлят и козы схватки с новым соперником. Волки взвешивали свои шансы на победу.

Ящер издал рык снова, но это уже не было неожиданностью волков. Они решили идти в атаку.

Я сжалась в комок от страха, когда один из волков пролез между горизонтальными палками ограды позади Риагана.

– Сзади! Берегись! – кричала я через оконное стекло, стуча ладонями по раме. Волк серебристо-бурой стрелой рванулся вперед и завертелось...

Огромная рептилия оборачивала свое гибкое длинное тело полукольцом и крутилась вокруг сбившихся в кучу коз, подставляя волкам то спину, покрытую толстыми костными пластинами, щелкая челюстями к отменным частоколом длинных зазубренных зубов, отмахиваясь от нападавших длинным мощным хвостом.

Волки норовили добраться до горла и подбрюшья ящера. Туда, где щитки наиболее тонкие и мягкие. Главное – свалить с ног. Особо хитрые пытались пролезть мимо ящера и схватить козленка.

Я вцепилась руками в кожаные ножны так сильно, что побелели костяшки. Я боялась, что Риаган не успеет повернуться. Боялась, что волчьи челюсти стащат охотника со спины звероящера. Я молилась всем богам, чтоб это скорее за-

кончилось. Я не хотела, чтоб волки задрали козу и козлят. Но гораздо больше я переживала за охотника, прижимающегося к шее ящера.

Чуть позже, когда все закончится, я задамся вопросом, чего я боялась больше: остаться в горах одной без защитника или того, что просто могу не увидеть больше Риагана живым. В эту секунду я мысленно слилась с ящером и его всадником. Я ловила взглядом движения охотника, задерживала дыхание при новой атаке волков, благодарила небо, что острые челюсти хищников не сомкнулись на горле моего полоумного надоедливого наглеца. Я хотела бы помочь, но не знала как.

Мелькали лапы, морды, хвосты. Клацали зубы. Взрывали землю когти. Слышались короткие рыки ящера, перекличка волков и их жалобные взвизгивания, когда не удавалось увернуться. Волки подпрыгивали, пригибались к земле, оббегали по кругу, отлетали отброшенные взмахом хвоста, поднимались на лапы и снова бросались в атаку.

Схватка показалась мне бесконечной и теперь ставки в ней делались на то, у кого быстрее закончатся силы и упорство.

Постепенно волки стали сдавать. Все менее охотно прыгали они на противника. Все дольше раздумывали. И тогда Риаган удвоил мощь своих атак.

Измощенные потрепанные волки отступили. Последним ретировался с поля боя прихрамывающий вожак. Он обер-

нулся на краю поляны. Блеснуло желтым отсветом в его глазах обещание вернуться и побежденный волк растворился в ночи.

Целые и невредимые козы плотной кучкой топтались посреди загона рядом с ящером. Риаган сидел на спине своего зверя низко пригнув голову. Я не знала, ранен он или нет. Он не двигался, казалось бы целую вечность. Я решила. Нужно идти туда. Вдруг ему плохо? Что если он не может слезть сам? В этот момент решившийся, наконец, отмереть охотник соскользнул со спины звероящера и тот растаял в воздухе.

Я бросилась к входной двери и на пороге столкнулась с свалившимся в дом Риаганом. Он прислонился к дверному косяку и посмотрел на меня, тяжело дыша. А затем он поднял руку и отдал мне девственно чистый нож.

– Я.. в общем... ни один волк серьезно не пострадал...

Я смотрела на нож в своей руке несколько секунд, пытаюсь осмыслить то, что он только что сказал. Потом я подняла взгляд на Риагана. Он смеялся. Этот ненормальный ржал.

– Во, дурак! – я ткнула Риагана кулачком в плечо.

– Слушай, лиса, сделай чаю, а? Пить хочу – умираю...

– Ты цел?

– Цел. Ящера потрепали слегка.

– А волки?

– Думаю, сегодня они больше не вернуться.

Мы сидели на кухне почти до утра. У обоих сна не было

ни в одном глазу. Я подливала трясущимися руками чай в чашки. Риаган теребил в руках неиспользованный в схватке нож. Удивительный момент. Вроде и поговорить не о чем, и расходиться не хочется. Я прокручивала в уме то, что увидела в загоне, и сравнивала образ упорного сильного жесткого воина с образом по-юношески легкого весельчака и удивительно взрослого мужчины, сидящего в задумчивости передо мной. Признаю. Он может защитить себя и свою семью. И образ жестокого обманщика и злодея сюда больше не вписывался. Я вглядывалась в лицо Риагана и впервые по-настоящему видела перед собой многогранного живого человека. И я понимала. Прощать его или нет – это уже другой вопрос. Но я теперь готова была признать за ним право на ошибку, хоть и исправлять ее так, как хочется мне он не хотел. И мы пили чай и вместе молчали. Потом мы так же молча разошлись спать.

Не смотря на то, что спала я не долго, проснулась я легко и чувствовала себя на удивление отдохнувшей. То ли едва взошедшее над горами солнце еще не успело нагреть наш склон как парную, то ли я сама остыла до почти нормального состояния, но дышалось мне гораздо легче.

Я быстро привела себя в порядок и вышла на кухню. Прислушалась. Риагана в доме нет. Я поставила чайник на печь и достала из погреба продукты, оставшиеся с ужина. Печеное мясо и лепешки. Не густо, конечно, ну и ладно. Я даже греть мясо не стала. Нарезала пластиком и вложила кусоч-

ки в лепешку.

Запивая хлеб и мясо чаем, я размышляла. О ком? О Риагане, разумеется. В последнее время все мои мысли так или иначе вращались около него. Вчера ночью представления о нем впервые сложились для меня в ясную цельную картинку. И эта картинка вовсе не такая ужасная, как мне казалось раньше. И мстить ему за свои обиды мне больше не хочется.

Змея моя успокоилась. Свернулась клубком в глубине моей души и задремала. Мое личное зло утихло. Я признала за Риаганом право ошибаться и выбирать методы исправления ситуации. Получается, что мне нужно принять то же самое и в себе. Все верно. Ведь змея – часть меня. Я считала ее своей ошибкой. Я внутренне корила себя за нее. Я отрицала то, что эта часть меня тоже может существовать. Да, она проявляется, когда я считаю, что кто-то не признает мою значимость. Но ведь она не появилась бы, если бы я в самом деле чувствовала себя по-настоящему ценной.

Меня лелеяли брат, Микан, тетушка Ула и Найрани, но я все равно считала себя хуже них, младше них, слабее них. Они многое могут. Многое умеют.

Тетушка Ула – великолепная травница и врачевательница душ. Простой беседой она выводит людей из тоски и облегчает душевную боль.

Мой брат легко управляет потоками энергии, считывает энергетический след любого человека с земли, камней, даже из воздуха.

Найрани – Древотворец. Она черпает силы и энергию от Матери-земли и направляет ее на целительство, ускорение роста растений, создание энергетических защит.

Микан создал и поддерживает уникальный щит, защищающий всю нашу деревню. Это уникальное энергетическое творение, с которым у Микана прочная связь. Он может считывать со щита следы сущностей всех, кто касался его, определять место, где это произошло и даже чувства тех, кто касался щита.

А я... Я ничего не умею. Только улавливать наиболее сильные всплески энергии. А это ничто. Это могут абсолютно все. Отсутствие у меня способностей к любой магии я всегда считала недостатком. И Риаган такой же, как я. У него есть только его смекалка, умелые руки, воля к выживанию и ящер.

У меня нет даже ящера. Я всегда чувствовала себя не такой, как они. Ущербной.

Я часто чувствовала себя так. Даже в детстве. Кроме брата у меня родных не было. Мы осиротели, когда мне было три года, а Айгиру – тринадцать. Мы тогда жили у Микана и его отца. Айгир был слишком юн, чтоб иметь свой дом. Брат хорошо помнил родителей. Даже в этом ему повезло больше. Он рассказывал мне, какими они были, а я могла только рисовать картинки с его рассказов в своем воображении.

Я помню разочарование в глазах Айгира, когда деревенские старейшины вынесли мне свой вердикт: магических

способностей нет. А потом вечером уже в доме дядюшка Фадар сказал мальчикам, что им придется защищать меня всю жизнь, потому что я слабая.

У меня не было подруг. Девочек в клане очень мало. С немногими моими ровесницами я играть не могла. Не хотела до скрипа зубами. Они всегда привносили в игру магию, потому что обе обладали ею. Они делали это не со зла, но меня коробило это. Они почти всегда выигрывали у меня. В прятки, в догонялки, в камушки... Я всегда оказывалась последней, самой медленной. Они иногда швырялись смешинками. Это такая игра, когда нужно собрать в руках сгусток энергии, поместить в него улыбку или смех и бросить в кого-то из других игроков. Кто не мог сдержать улыбку, тот проигрывал. Игры у нас как-то не клеились. Они старались. Они смотрели на меня с сочувствием, когда у меня не получалось, и почти сразу же забывали, что я не такая, как они. А когда мы играли в простые игры, я чувствовала, что торможу их. Им приходилось сдерживать себя.

Айгир и Микан всегда держались вместе. Они все время что-то затевали, куда-то лазили, убегали из деревни, а потом возвращались с ободранными коленками, и заговорческим одинаковым блеском в глазах. Они всегда придумывали новые игры, новые путешествия, новые проделки. И всегда осуществляли их вместе. Без меня. Я старалась поспевать за ними.

Когда брат уходил на охоту, он всегда оставлял меня до-

ма. Он говорил, что я не умею охотиться и буду им мешать. Я просила научить меня, а Айгир говорил, что это незачем, ведь я все равно никогда не смогу научиться, и советовал мне пойти и играть с девочками. Дядюшка Фадар – отец Микана, всегда брал мальчиков с собой. Они уходили в горы на весь день, а то и дольше. А я оставалась одна. Сначала у тетушки Улы, потом и одна в доме, когда подросла достаточно.

Может поэтому я так возненавидела Сули-Медведицу. Потому что Микан предпочел меня ей – сильной, независимой, уверенной в себе, отважной. Потому что я не такая. А она явилась в деревню и тут же заявила права на все, что мне было дорого: мой любимый мужчина смотрел только на нее, мой брат стал ее лучшим другом, моя подруга стала ее подругой, тетушка Ула вообще взяла к себе жить. И я снова чувствовала себя жалко и неуверенно.

Но ведь они все все равно меня любили. Даже когда я сделала Медведице подлость, они простили меня. И Сули простила. Она обидчиков или убивает сразу или прощает. Злости не держит.

Получается, что змея во мне – это не зло. Это сигнал, знак, что я снова чувствую себя маленькой и незначительной.

Не хочу так больше. Хочу чувствовать себя на равных с кем-то. Хочу чувствовать себя достойным человеком. Хочу быть частью чего-то общего. Важной, значительной, ценной.

А теперь самое сложное... Как мне стать значительной? Что такого я должна сделать, чтоб ощутить это? Обрести ма-

гию? А если я попала бы, например, в поселение к стакам-общине, выступающей за мир без магии. Они вообще крайне воинственно относятся ко всему магическому. Там я вся такая сильная стала бы отщепенцем. Меня бы посадили в клетку и обвешали сдерживающими силу амулетами. Я бы тоже чувствовала себя униженно и незначительно? Наверное, да.

Или я должна победить Риагана и убедить его вернуть меня назад? Тогда я почувствую себя важной? А если я вернусь назад снова к тем, кто энергетически и магически сильнее меня... Все начнется сначала? Ведь магии-то у меня по-прежнему нет и не появится. А после неудавшейся поездки на Совет, появится на их лицах полное и удушающее сочувствие.

Почему вообще так? Почему у одних силы есть, а у других нет. Чем я хуже? Этот вопрос мучил меня с детства.

Голова пухла от раздумий. Я не могла найти способ, как мне стать важной. Я пришла только к выводу, что это не должно быть действие. Это должно быть некое состояние внутри. Значит, почувствовать себя ценной не значит быть важной для кого-то или быть сильнее кого-то. Нужно быть ценной для себя самой.

Я зашла в тупик. Как можно стать ценной для себя самой? Каково это – быть ценной для себя самой? Что это значит? Спросить бы у кого-нибудь... Была бы рядом Найрани. Или тетушка Ула. Эх! Но их нет. Жаль, что я поняла это все только здесь. Если б раньше, в родном клане... Но все же, я

немного лучше стала понимать себя саму. Наверное, уехать из родного клана было разумным решением. Как говорит те-тушка Ула: «Новое место – новые чувства, новые мысли». Значит это работает.

Следующая мысль поразила меня саму. Я подумала, что если я останусь здесь на положенные три месяца, может я пойму еще что-то важное. Вот только сосед мне попался оглоушенный и настырный, хоть и весьма полезный в плане умений.

Я посмотрела в окно, стараясь отыскать взглядом Риагана. Он сидел на спине ящера, повернувшись к лесу на краю холма. Ящер стоял чуть пригнув голову, оскалив клыкастую пасть.

Что-то случилось! Я вскочила со стула, расплескав остатки чая на стол, и бросилась на улицу.

Не успела я сделать и трех шагов, как ящер издал уже знакомый мне по прошлой ночи протяжный рык. Ящер поднял голову, всмотрелся куда-то в даль и, вытянув шею, снова рыкнул.

– В чем дело? – я напряженно вглядывалась туда, куда смотрел ящер и ровным счетом ничего особенного не видела. – Там кто-то есть?

– На сколько я вижу – нет.

– Зачем тогда ты заставляешь ящера рычать?

– А пусть знают, что я тут хозяин, – с этими словами Риаган развернул ящера и тот издал свой рокочущий рев в

другом направлении. Я подождала, пока в груди уляжется дрожь, вызванная рыком.

– Это как-то...

– По звериному?

– Угу...

– Если приходится жить среди зверей, учись рычать по-звериному.

– Думаешь, это поможет?

– Должно. Других вариантов у меня пока нет.

– Может проще забор поставить.

– Можно и забор. Но на его постройку нужно время. А защита от диких зверей нужна уже сейчас. Я сообщаю им, что я больше и сильнее. Пусть знают и пусть опасаются.

– А что если они решат, что ты бросаешь им вызов?

– Они именно так и подумают.

– Но тогда они придут снова?

– Да. Видимо, придется подраться снова. Волки поняли, что здесь есть пожива. Они вернуться. Ты не отходи от дома, пока все не уляжется.

Я кивнула. Риаган верхом на ящере двинулся вперед.

– Ты куда? – я шагнула было за ним.

– Будь в доме. А мне нужно пометить территорию.

– Пометить? – не поняла я. – Как?

– Своим запахом, разумеется. Как все самцы в дикой природе.

Наверное, мое лицо смешно вытянулось от удивления, по-

тому что Риаган рассмеялся.

– Что, правда? – я все не верила своим ушам.

– Да. И не смей никому рассказывать!

Меня вдруг разобрал смех.

– Эй, я не сам, конечно. Это сделает ящер.

Но перестать смеяться я уже не могла. Риаган с гордым видом направил ящера к краю поляны. Ой, нет! Я не хочу это видеть! Я махнула рукой и ушла в дом.

Я все равно посматривала окно. Было почти ничего не видно. Ящер обходил наш склон довольно далеко. Я краснела, представляя весь процесс, смеялась и перебегала от окна к окну, следуя за силуэтом ящера.

С момента нападения волков прошло тринадцать дней. Каждый вечер Риаган воплощал ящера во дворе и рычал на всю округу. А потом он шел и проверял свои метки и следы. Это стало ежедневным ритуалом. Я все никак не могла решить, как мне к этому относиться. Это было и смешно, и странно, и в то же время как-то разумно. Ведь и в самом деле, за последние две недели звери к дому не приближались. Один раз возвращались те самые волки. Их глаза светились в темноте на краю поляны. Риаган, как и в первый раз вышел во двор и вызвал ящера. Волки потоптались на краю поляны и ушли. Предпочли не связываться. Еще одна опасность пока обошла нас стороной.

Риаган бросил все силы на постройку хлева. Жаль, не бы-

ло времени просушить как следует бревна. Риаган опасался, что их поведет со временем, а потому подгонял бревна друг к другу особенно тщательно. Уже был готов небольшой сруб. С дверью Риаган провозился еще неделю. Поскольку петель у нас не было, пришлось дверь приваливать ко входу в хлев и прилаживать большой засов. К постройке крыши Риаган еще приступить не успел, но мы уже могли заводить коз на ночь в хлев, где они были почти в безопасности.

Я наблюдала, как голая поляна, превращается в жилой обустроенный двор, напоминающий дворы в моей родной деревне. Я здесь уже месяц. Мне не верилось. Тридцать дней моего вынужденного пребывания рядом с Риаганом. Мне стало казаться, что так всегда было. Стало привычным чистить необычно большую печь в доме, рядовым занятием стали ежедневная помощь Риагану в его работе. Иногда я ходила по ягоды и грибы в сопровождении ящера. Дома я всегда ходила с другими женщинами. Много легкой женской болтовни, много смеха и я, тащившаяся за всеми где-то с краю или позади. Место сбора всегда выбирали старшие. Здесь я могла брести, куда хочу и сколько хочу. Рядом со мной всегда был ящер или сам Риаган, но дорогу выбирала я. И это нравилось. Очень.

Июнь давно вступил в свои права, сделав ночи прозрачно-синими, наполненными голосами поющих кузнечиков, и усыпав соседний горный склон ароматной земляникой. Есть примета: если в середине июня в траве заалели ягоды, можно

смело идти по грибы. И я с удовольствием нарезала полный подол маслят или рыженьких сыроежек.

Наше питание становилось все более разнообразным. Мы начали делать припасы. В погребе полнились запасы вяленого мяса и рыбы, сушеных грибов и ягод.

Я по-прежнему пыталась приручить козу. Она перестала пугаться, когда в загон входил Риаган, и не убегала при виде ящера. Коза уже не боялась подходить и брать угощение с моих рук. Она позволяла погладить себя по бархатистому носу и смело шарила мордой в моем кармане в поисках вкусенького.

Очень хотелось молока и я решила проверить, пустит ли она меня к дойке. За ужином я с торжествующим видом поставила на стол перед Риаганом стакан свежего молока.

В своем домике там, в клане, я часто открывала вечером створки окна и пила чай, глядя в темнеющее небо. Здесь окно не открывалось. Оно представляло из себя застекленную решетку, намертво вделанную в стену. Только в самом верху была маленькая форточка. Поэтому я расположилась на крыльце с чашкой чая с молоком. Вкус у козьего молока отличался от более привычного мне коровьего, но я и этому радовалась, словно чуду. В кухне за столом подъедал остатки ужина Риаган. Вот ведь, у кого зверский аппетит. Я никогда не видела, чтоб мужчины столько ели. Микан и Айгир всегда были более умеренными в еде. А Айгир еще и привередничал иногда. То не хочу, это не буду. Риаган съедал наши

нехитрые однообразные ужины молча и быстро с выражением полного благоговейния на лице. Да, и пусть ест. С учетом того, сколько сил он тратит на ежедневную работу, это прощительно. Его волосы выгорели прядями на солнце. Его кожа от загара стала орехового цвета. Медно-оранжевые глаза горели на лице каким-то новым вдохновенно-радушным огнем. Он все чаще улыбался, иногда мурлыкал себе под нос какую-то ему одному известную песню. И глядя на него, я ему завидовала. Он явно ощущает себя здесь на своем месте. Он каждый день заявляет свои права хозяина на этом склоне. Он вкладывает все силы, всю свою волю в то, что считает правильным для себя. Вот бы и мне так же. В отличие от него, я не знала, зачем я делаю каждый день то, что делаю. Я собираюсь вернуться домой, но вместе с тем запасая продукты на зиму. Я все еще немного сторонюсь Риагана, но тоже употребляю в разговоре слова «наши», «нам». И хуже всего – я уже и думать стала этими словами.

С одной стороны, это делает наше общение более гладким. Это поможет мне уговорить его вернуть меня в родной клан. Если мы станем лучше понимать друг друга, я смогу его уговорить. Смогу достучаться до него.

С другой стороны, я ощущала себя кем-то вроде предателя. Лгуньей, которая прикармливает зверя, чтоб одомашнить его и получить от него то, что хочется.

Моя внутренняя змея иногда бурчала мне, что так ему и надо. Он ведь первый начал. А мне все равно было неловко

перед ним.

Я потягивала из кружки почти остывший чай и смотрела на преображающийся двор. Столько работы. Столько усилий, чтоб остаться здесь в итоге одному. Риагана стало жаль.

Позади меня хлопнула входная дверь и рядом со мной на ступеньку присел Риаган.

– Не возражаешь?

– Нет, – тихо сказала я, снова погружаясь в свои мысли. Мы сидели рядом, наслаждаясь чаем и молчанием. Где-то под домом выводил свои трели сверчок. Ему хором подпевали кузнечики. К освещенному окну кухни с наружной стороны слетелись белокрылые прозрачные мотыльки. Наш домик ощущался маленьким теплым островком среди гигантских горных волн, в этом бескрайнем пространстве мира. Где-то далеко на Великой равнине распластались деревни и города, обособленными группами и кланами живут разные народы. Каждый со своими подобными себе. Великое множество видов. Тролли, маги, люди, эльфы, великаны, оборотни, полудраконы, и многие другие. Где-то на краю равнины раскинулся Белый Лес, населенный неведомыми и опасными тварями. Несколько ближе устраивается на ночь мой родной клан. И тут я впервые поймала себя на мысли, что больше не стремлюсь вернуться именно к Микану. Я скучала по брату, по племяннику и по Найрани. По всем. И по Микану тоже. Но впервые я чувствовала, что та нить, крепко привязывающая меня к Микану, истончилась на столько, что почти

не ощущается. И меня вдруг охватила радость. Почти ликование. Я теперь свободна! Я вздохнула, ощущая, что грудь больше не сковывает тоска по несбывшейся мечте. Я готова идти дальше.

Только вот дальше – это куда? Я вдруг испугалась. Ведь впереди неизвестность. Что будет дальше? Как все сложится? Было странно. Я ощущала себя зависшей в прыжке в неизвестность. Опоры под ногами уже нет, куда приземляться – не знаю, и не решила, падать мне или лететь дальше. Чтоб лететь дальше, нужны крылья. А их нет. Я словно в подтверждение этому повела плечами.

– Замерзла? – прервал тишину Риаган.

Я вздрогнула от неожиданности и посмотрела на него.

– А? Нет.

– О чем ты думаешь? – Риаган смотрел на меня поверх края своей кружки с чаем.

– А ты никогда не жалел, что у тебя нет магии?

– Нет.

– Почему? – я удивилась.

– Ну, нет и нет... – пожал плечами Риаган.

– Но ведь те, у кого она есть, сильнее тебя.

– Кто это сказал? – он усмехнулся, глотнув чая.

– Эм-м-м... Это же очевидно.

– Нет. Магия – это просто врожденная особенность. У одних людей волосы светлые, у других – темные. У некоторых особенных – рыжие, – на последних словах его голос смяг-

чился и наполнился теплыми и ласковыми нотками. И у меня в груди словно распустил яркие лепестки неведомый цветок. Риаган протянул руку, намотал на палец локон моих волос и слегка потянул. Прядь распрямилась, а когда он отпустил ее, скрутилась обратно. Риаган продолжил. – Просто такая природа. Переживать из-за отсутствия магии – это все равно, что беспокоится об отсутствии шерсти на руках. Если природа тебе этого не дала, значит тебе это не нужно. Нет магии, значит есть что-то еще.

– Что?

– Может быть, просто ты.

– Просто я? – я горько усмехнулась.

– Ты... – Риаган сидел, прислонившись спиной к дверному косяку и, откинув голову чуть назад, смотрел на меня из под полуопущенных ресниц. Он смотрел на меня не отрываясь. Он неторопливо изучал каждую черточку моего лица, словно хотел впечатать мой образ в свою память. Забрать себе. Присвоить. И улыбался. Я приказывала себе отвести взгляд и не могла. На меня никогда так не смотрели. Словно лучше меня нет никого на свете. Меня, девочки без сверхспособностей, сомневающейся во всем и в себе и не знающей, что делать и что думать. Я влипла в него, как мотылек в смолу. Это был тягучий янтарно-золотистый плен. Он сохранит меня и сбережет. Я в этом не сомневалась. Как и в том, что я не буду нуждаться ни в чем, буду в безопасности, сияющая и красивая. Чудо, застывшее в вечности. Вот так я

себя воспринимала рядом с ним. Мотылек, влипший в смолу, ничего больше хотеть не сможет.

Улыбка гасла в его глазах медленно, но неотвратимо. Словно он уловил мои мысли. Как-будто догадался. Он молча допивал свой чай, а пространство между нами становилось все более колким и неудобным.

Риаган ушел. Ретировался, как гость, явившийся к старому другу с визитом, и обнаруживший, что ему не рады и не думали ждать.

Да, плохая из меня притворщица. Все на лице написано.

Почему он солгал мне тогда?! Почему все не случилось по-другому? Если бы он поехал за мной после совета, может все сложилось бы как надо. Может, его приняли бы в наш клан. Приняли же они Медведицу. Микан поручился за нее и старейшины поверили. Я могла бы поручиться за Риагана. А если мой голос показался бы маловесным, попросила бы Айгира и Найрани. Если бы все было по-честному... Неприятно, когда дурят и используют. Ужасно, когда кто-то подгадывает момент, и, жонглируя фактами и полуправдой, выводит на нужное ему решение. Как безмозглую куклу. Я тоже хороша... Развесила уши. «Дом... три комнаты и кухня... на краю...». Кто же мог подумать, что это означает не на краю деревни, а на краю мира. А это его «соседи у меня тихие...». Ну, да. Волки и пумы не слишком разговорчивые. Болтовней не надоедают. Могут, правда, сожрать ненароком, но это же

мелочи. Что ему, такому сильному и смекалистому, какие-то зубастые куски меха.

Все его ласковые слова и жесты, вся его забота не перевешивают того, что он солгал и того, что он не хочет отпускать меня.

Я еще долго думала о том, что было бы, если бы... Ворочалась в постели и не могла найти удобное положение. Так же беспокойно ворочались тяжелые мысли в моей голове. Моя растревоженная раздумьями вредная змеюка снова зашевелилась. Она поддавала яду и мутила мысли. Я снова скатывалась в хандру.

Весь следующий день я старалась прогнать кислое выражение со своего лица. Я общалась с Риаганом как ни в чем не бывало, пряча собственную грусть. Но, кажется, у меня плохо получалось, потому что он заглядывал мне в глаза в ожидании улыбки, а получал натянутую маску.

Проторчав около меня половину утра и не дождавшись ни теплого взгляда, ни какого-то поползновения к общению, Риаган ушел работать над крышей хлева. Он возился с ней уже пару дней. Остов крыши был уже готов и теперь предстояло покрыть его ветками, срезанными с поваленных деревьев.

Риаган окунулся в работу и старался реже пересекаться со мной. В дом он заходил только поесть и переночевать.

А еще через два дня зарядили ливни. Последние ветки кровли Риаган прилаживал уже под проливным дождем. Я

всерьез опасалась, что он поскользнется и упадет со скользкой крыши. Стена дождя была такая плотная, что заливала лицо, мешая видеть. Можно было вымокнуть до нитки, просто добежав от дома до туалета. Одно радовало – наши козы теперь переживут дождь в относительной сухости.

Дождь лил почти не переставая три дня. Земля пропиталась сыростью и хлюпала под ногами. В доме тоже стало влажно. По-прежнему уютно было на кухне. При готовке печь прогревала пространство вокруг и подсушивала воздух.

Мы сидели в доме почти безвылазно. От охоты Риагана я отговорила. Не хватало еще, чтоб он свалился в реку. Так и шею себе свернуть не долго. Склон скользкий словно намыленный.

Неуемная энергия Риагана не давала ему сидеть на месте. Он и в доме нашел себе работу. Что-то ремонтировал, что-то правил. Работа у нас обоих кончилась быстро. И если я могла заняться готовкой еды, Риагану тут делать было нечего. Отвратительная погода добавляла сырости в наши отношения. Разговаривать не хотелось. На душе у обоих было пасмурно, как и на улице. Риаган либо мрачной тенью сидел за столом с кружкой чая, либо уходил спать в комнату. Клянусь, столько чая я никогда в жизни не пила. Больше заняться особо было нечем.

Даже постель казалась влажной. Нужно будет хорошенько просушить все, когда распогодится. Ненавижу запах сырости и прелых тряпок.

Я лежала под одеялом. По стеклу по-прежнему тарабанили косые струи дождя. Я прислушивалась. К звукам льющегося на дом дождя примешивалось еще что-то. Снаружи явно кто-то был. Чьи-то когти поскребли угол дома снаружи. Все более явственно слышалось приглушенное фырканье и урчание.

Сердце гулко застучало о ребра. Я вскочила с кровати и выглянула в окно. Снаружи за стеклом прямо мне в лицо смотрела огромная медвежья морда. Я отпрянула от окна. Медведь обнюхал стекло, лизнул раму и скребанул по ней лапой. Меня выдуло из комнаты с силой ураганного ветра. Прежде, чем ясно сообразить, что делаю, я уже стояла в комнате над Риаганом и трясла его за плечо.

– Риаган! Риаган, проснись, – мой голос срывался от страха.

– Что случилось? – Риаган повернулся ко мне.

– Там снаружи медведь!!!

– Я знаю, – Риаган взбил рукой изголовье своего лежака и приготовился снова отвернуться к стене.

– Знаешь?! А почему тогда лежишь?

– Яра, наши козы в безопасности в хлеву. А нас здесь он не достанет. Рамы на окнах кованые. Даже если он выбьет стекло, в дом он не влезет.

– Но почему он вообще пришел?

– Дождь смыл метки, вот он и осмелел. Не дразни его и не шуми. Ложись спать. Он скоро уйдет. Он еду ищет, а ее

для него нет.

– То есть теперь все хищные звери придут сюда проверить, можно ли нас теперь достать?

– Наверное... Не бойся. Когда на улице просохнет, я обновлю метки и буду снова драть глотку по вечерам. Но, если тебе страшно, можешь лечь спать здесь.

Я сделала вид, что не услышала последнюю фразу.

– Ты не пойдешь посмотреть?

– Зачем? Драться с медведем сейчас нет смысла. Или тебе хочется, чтоб зверь меня задрал? Тебе бы стало легче?

– Дурак! Да, ты сам кого угодно задерешь! – я круто развернулась и выскочила из комнаты.

Я влетела в комнату и запрыгнула под одеяло. Меня трясло от злости. Я, значит, за него переживаю, а он... Я думала, меня удар хватит, когда он с волками дрался. И потом тоже, когда он делал крышу хлева, вцепившись в нее чуть ли не зубами... Да как он вообще смеет меня обвинять, что я хочу его смерти?! Я же не имела в виду, что он должен выйти на улицу! Я думала, он хотя бы к окну подойдет, чтоб посмотреть.

Снаружи все еще ходил медведь. Моя злость испарилась так же быстро, как и разгорелась. Зверь терся мохнатыми боками об стены, рыл землю под домом, заглядывал в окно. Я сделала вид, что меня тут нет. Медведь обходил дом по кругу и снова обнюхивал мое окно. Я не выдержала и сбежала на кухню. Там из окна было хорошо видно, как медведь сходил

к хлеву, поскребся в толстую дверь и вернулся к дому.

Я попробовала спрятаться в той комнате, в которой окно было заколочено. Не помогло. Медведя не было видно, но его было прекрасно слышно. Этот бурый гад уходить похоже не собирался. Он снова побрел к хлеву, а я снова торчала в кухне, поглядывая из глубины комнаты в окно. Медведь нашел навес в загоне и обнаружил, что под ним не так мокро и сверху почти не капает. Зверь недолго лежал под ним. Пока не заметил, что я смотрю на него. И он заинтересовался мной. Он медленно пошел к дому, всматриваясь в окно. Прямо на меня.

Я снова прошмыгнула в свою комнату и скрылась под одеялом с головой. Через некоторое время под моим окном снова скребся ночной гигантский незваный гость.

Какой тут может быть сон?

Я даже попробовала лечь за кроватью на пол. Все равно было ощущение, что медведь знает, что я там.

Я не выдержала. Обмотавшись одеялом, словно палаткой, я пошла в единственное место, где еще не пробовала укрыться. К Риагану.

Осторожно толкнула дверь в его комнату и прислушалась. Спит. Я на цыпочках прокралась в комнату и прямо завернутая в одеяло, легла на краешке лежака. Затихла. Не проснулся. Не пошевелился. Я осторожно придвинулась поближе. Звук мерного дыхания рядом успокаивал. Темный силуэт передо мной казался стеной, оплотом безопасности. И я за ней

спряталась.

Ведь предлагал? Предлагал. Если мне повезет, то он и не заметит, что я тут была. Нужно только проснуться раньше него. Если я вообще смогу заснуть. А даже если и заметит... Мне слишком страшно, чтоб об этом думать сейчас.

Я затихла за спиной Риагана, поджав ноги в кокон из одеяла. Он спал без рубашки, а я даже и не заметила, когда будила его. Лежа очень близко, я чувствовала лицом тепло его голой кожи. И это успокаивало. За стеной на улице по прежнему шастал медведь, но я его уже не боялась.

Риаган вслушивался в ночь с момента, как Яра вышла из его комнаты. Он слышал, как она ходила по дому. Сначала он решил, что она злится на него и не может успокоиться. Но быстро понял: она боится. Слишком уж суетливы ее шаги по дому. Яра металась из комнаты в комнату, а Риаган изо всех сил заставлял себя лежать тихо. Очень хотелось встать и пойти туда к ней. Попытаться успокоить. Вот, только примет ли она его поддержку? Скорей всего нет. А может еще и обидится за то, что уличил ее страх. Она ему не доверяет. Если он придет к ней, его компанию она расценит, как новое посягательство на свою свободу. И тогда пропасть между ними станет еще шире. Какое-то время назад ему стало казаться, что отношения между ними потеплели. Она перестала злиться и плакать, и Риаган надеялся, что Яра близка к тому, чтоб простить ему обман. Но последние дни показали,

что все не так. Яра делает над собой усилие. Ломает себя. Но зачем? Может виной тому ее все еще живое чувство к этому Микану? Что там за мужик такой, что смог так засесть в мозг девушке?

Иногда Риаган чувствовал искренний интерес и участие с ее стороны в те немногие моменты, когда она расслаблялась и сквозь маску враждебности и обиды проступала ее истинная сущность. Он так хотел бы, чтоб это происходило почаще, потому что тогда она смотрела на него, а не вглубь себя. И он чувствовал: в эти мгновения она не сравнивает его идеальным и великолепным Миканом. Но это состояние быстро улетучивалось и Риаган не мог отследить, что же он сделал не так в очередной раз, что ее спугнуло.

И сейчас, подойди он к ней, она оцетинится ежиком и закроется еще сильнее. И потому он лежал неподвижно и ждал. А вдруг придет. Он ведь предложил. Может быть она решится и позволит себе довериться ему хотя бы в этом?

А тем временем босые женские ножки топали по коридору к его спальне. Шаги стихли прямо за дверью. Наступила тяжелая пауза, во время которой Риаган затаил дыхание и скрестил все пальцы, какие только смог. Зайди! Только зайди!

Дверь почти неслышно отворилась и за спиной Риагана послышался шорох одеяла. Она застыла на миг возле лежака. Прислушивается? Он собрал в кулак всю силу воли, чтоб лежать тихо и дышать ровно. Чтоб не выдать, что не спит.

Она прилегла позади него на самый край лежака и замерла. Сердце барабанило по вискам бешеным пульсом. Видимо решив, что все таки медведь страшнее, чем он, Риаган, Яра придвинулась ближе и затихла.

Риаган изо всех сил старался расслабить мгновенно окаменевшее тело. Особенно одну его часть... Позади него лежала она – его женщина, не желающая признавать его своим мужчиной. Ее дыхание щекотало ему кожу между лопаток. Зачем только он снял эту долбанную рубашку на ночь?! По телу ползли нескончаемые мурашки. Какой теперь может быть сон?

Я все таки проснулась раньше Риагана. Он все так же лежал на боку. Я приподнялась на локте и придерживая волосы свободной рукой, заглянула через его плечо ему в лицо. Спит. Замечательно. Я тихонько подобрала одеяло и на цыпочках двинулась к двери. Если бы я только знала, что как только за мной закрылась дверь, этот прохвост откроет глаза и повернется...

Дождь, наконец, закончился на рассвете, оставив после себя в траве мириады алмазных бликов. Медведя во дворе видно не было. Ушел, значит, обжора лесной.

Я собирала на стол завтрак, когда на кухню насвистывая веселую песенку пританцевал несколько помятый со сна Риаган. По-другому сие действие назвать было никак нельзя. Он

светился не хуже радуги, что сияла с утра над горами.

– Ты чего? – я наблюдала, как он, улыбаясь, бодро плюхнулся на свое любимое место за столом.

– Дождь кончился, наконец! – Риаган запустил обе пятерни себе в волосы и довольно потянулся. – Хорошо-то как!

Он стянул с тарелки свежую лепешку, с наслаждением понюхал ее и откусил здоровенный кусок.

Я смотрела на него с подозрением. Догадался что ли? Меня обдало волной стыда до самых корней волос. С чего еще ему быть таким веселым? Риаган жевал лепешку, глядя в окно.

Нет, нет. Помню... Он сказал только то, что сказал... Если бы он все понял, он бы не стал бы молчать. Он и в самом деле радуется хорошей погоде. Последние два дня он был такой же мрачный, как тучи, выливающие на наш дом всю воду мира. Он не может сидеть без дела. Ему смертельно скучно. Вот и радуется. Сейчас примется за работу и успокоится. Я выдохнула и принялась разливать чай.

Наверное, при попадании в новую для себя среду, в которой старые привычки перестают быть значимыми и подходящими, человек начинает обязательно заводить новые. Потому что требуется что-то знакомое и родное. Некая успокаивающая размеренность. Нечто неизменное день ото дня, на чем можно успокоиться и расслабиться.

Когда наши совместные завтраки успели стать своего ро-

да ритуалом? Мои руки уже привычно разложили еду по тарелкам. Сначала ему, потом себе. Сначала кусочки лепешки, резанной четвертинками, на них сверху по три тонких ломтика вяленого мяса так, чтоб легли веером на хлеб. Получалось что-то вроде трилистника на каждом отдельном куске лепешки. Налила молока в кружки. Себе – половину, так как больше я не выпью. Ему – на один палец не доливая до верха, чтоб молоко не расплескивалось. Он любит макать лепешку в кружку. Потом он неизменно выпивает еще и кружку чая в прикуску с ягодой. А я в это время просто сижу и отдыхаю.

Сегодня отдыхать не получалось. Ставшие уже привычными действия, не освободили от ярких воспоминаний прошлой ночи, калейдоскопом меняющихся перед моими глазами. Почти осязаемо по-другому наполненное пространство его комнаты. По-мужски, характерной энергией. Даже если не видеть его вещей, можно сразу понять, что в этой комнате живет мужчина. Жесткое ложе подо мной, широкая мужская спина рядом. Настолько близко, что я, кажется, могла слышать биение его сердца. Я радовалась, что укутана в одеяло по самый нос, потому что очень хотелось почему-то положить ладонь на его плечо, провести ею вдоль его спины и обхватить торс рукой. Интересно, каково это – прикасаться к мужчине? Не просто к какому-то или к брату, а к своему мужчине. Иметь на это полное право. Приятно, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.